

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ И НАХОЖДЕНИЯ В ВОДЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина

1. Введение

Цель этой статьи — обобщающая: здесь мы хотели бы свести воедино тот обширный языковой материал, который будет представлен затем в более подробном виде для отдельных языков. Естествен вопрос, почему не наоборот: сначала материал по отдельным языкам, а потом — его обобщение. Дело в том, что, как уже говорилось в предисловии, обобщение материала происходило на всех этапах описания — и это, наверное, обычное развитие такого рода проектов, ср. замечание, высказанное В. С. Храковским по поводу работы над типологией условных конструкций: «Теоретически анкету следовало бы иметь до начала описания материала конкретных языков, однако практически составление анкеты осуществляется в течение всего периода работы над материалом конкретных языков, попавших в первоначальную выборку» [Храковский 1998: 97]. И действительно, новые данные меняли и нашу анкету, т. е. материал заставлял вносить изменения в теорию, — но и наоборот: наши представления о типологии глаголов плавания во многом определяли способ изложения данных для конкретных языков. Чтобы обосновать и эксплицировать этот способ изложения, мы предваряем частные статьи сборника, на материал которых опираемся в первую очередь, общей лексико-типологической картиной поля движения и нахождения в воде¹ (вариант анкеты приводится в Приложении 2). Для удобства было решено разделить описание на две части, отделив прямые значения глаголов от метафорических, — и в этой первой части речь пойдет только о тех значениях глаголов, которые непосредственно связаны с водой как средой нахождения и «горизонтального» движения субъекта (материалы по «вертикальному» движению — всплытию и погружению — обобщаются в Приложении 1).

Наше описание круга основных, т. е. прямых значений глаголов движения и нахождения в воде (или просто «глаголов плавания») имеет в виду две типологические задачи.

---

¹ Специально мы даем ссылки лишь на дополнительные источники данных; в остальных случаях за более подробной информацией можно обратиться к соответствующей статье сборника.

Во-первых, это выявление семантических параметров, противопоставляющих языки в этой семантической зоне, — как элементов универсального набора для лексической типологии. Эта задача связана с вопросом о том, какие признаки ситуации — в нашем случае, ситуации плавания — могут оказаться когнитивно значимы для носителя языка настолько, что они отражаются в лексике. О такого рода параметрах в целом — их теоретическом статусе и способах их выделения — говорилось выше, в статье «О лексико-семантической типологии». Здесь мы попробуем применить выбранную стратегию к широкому типологическому материалу и в заключении к статье обсудим полученные результаты.

Вторая задача статьи — это описание типов лексических систем, связанных с плаванием, которые реализуются в языках мира. Эту задачу мы пока не обсуждали даже в общем, именно с нее мы сейчас и начнем.

2. Типы лексических систем, описывающих плавание

2.1. «Богатые», «бедные» и «средние» системы

Выделяя для типологического исследования какую-то семантическую область, мы легко можем оценить степень ее разработанности в данном языке по сравнению с другими чисто количественно: сравнив, сколько языковых единиц, обслуживающих эту область, имеется в этом языке, с тем, сколько их в других. Можно, таким образом, — по отношению к предмету своего исследования — различать языки с «бедными» и «богатыми» системами и в этом смысле говорить о типологии языковых систем. Причем если речь идет о грамматике, с ее оппозициями, в которой к тому же традиция грамматического описания уже выбрала стандартные семантические области для типологического сопоставления, то беднейшей системой будет та, в которой в заданной области действует хотя бы два показателя: ср., скажем, показатели единственного и множественного числа — как в русском (в отличие от более «богатых» систем, различающих, кроме того, еще двойственное, тройственное число и др., см. [Corbett 2000]). Аналогично о категории времени можно говорить в случае, если в языке имеется как минимум два противопоставленных друг другу значения (например, прошедшего и не прошедшего времени; для более богатых систем добавится будущее), — когда же деления семантической области хотя бы на две части не происходит, принято считать, что категория в языке грамматически не выражена. Это значит, что данная область не релевантна для грамматической системы этого языка, т. е. с грамматической точки зрения язык ее игнорирует.

Если же речь идет о лексике, то здесь нет столь явно выраженных оппозиций и, по-видимому, нет заранее выделенных самим языком семантических областей (как в грамматике) — поэтому вполне возможно, чтобы «бедная» система состояла не только из двух, но и из одной лексемы. В этом случае семантическая область не делится, не имеет противопоставлений — но для языка она по-прежнему релевантна: она противопоставлена другим частям лексической системы. Не релевантной семан-

тическая область будет для лексической системы данного языка только тогда, когда в нем не найдется ни одной специальной лексемы, которая бы эту область (или ее фрагмент) обслуживала. Понятно, что с типологической точки зрения особенный интерес представляют такие семантические зоны, в которых число лексем варьируется от языка к языку и может значительно различаться, так что с одной стороны, имеются «бедные», а с другой — «богатые» системы: тогда мы можем наблюдать лексически выраженные различия в членении нашего семантического поля.

Именно так устроено поле глаголов плавания: для него возможны и крайне «бедные», и весьма «богатые» системы, а также системы, занимающие промежуточное положение.

«Бедными» мы будем считать прежде всего системы, в которых есть только один специальный глагол плавания (как в турецком или в аварском, см. раздел 4)². Мы покажем, что он обычно используется наряду с более общими по семантике глаголами, обозначающими движение, не специализированное по способу ('идти', 'удаляться', 'прибывать' и пр.) или бытийными предикатами ('быть', 'иметься', 'находиться'). Это значит, что даже в этом случае есть лексические средства, чтобы выразить важнейшие противопоставления в рамках зоны движения и нахождения в воде, — пусть они и не специфичны именно для данной области. Следовательно, найти настоящую «бедную» систему, в которой не было бы не только специализированных глаголов плавания, но и не было бы никаких средств выражения противопоставлений в данной семантической области, не так уж просто.

Что касается «богатых» систем, то они, как показывает материал нашего исследования, представлены в тех языках, где много как самих глаголов плавания — не менее трех, — так и дополнительных противопоставлений. «Богатые» системы в нашей выборке встречаются чаще прочих, наиболее распространены среди них системы с тремя-четырьмя глаголами плавания. Оценить максимальное число глаголов плавания в богатой системе сложно: оно может быть и неограниченно, если в этом языке продуктивное глагольное словообразование — например, в индонезийском существует целая группа глаголов, образованных от названий водоемов ('плыть по озеру' / 'по морю' / 'по проливу') или от названий средств перемещения ('плыть на корабле' / 'на плоту' / 'на веслах' и пр.).

«Средние» системы являются «средними» в том отношении, что они различают лексически только основные зоны (и обычно включают два основных глагола плавания), но не обладают специальными средствами для выражения более «тонких» противопоставлений. С них, как с более простых, мы и начнем описание типологии систем (см. 2.3). Но сначала — о принципах построения такой типологии.

2.2. О противопоставлении трех основных зон плавания

Типологические данные, полученные нами в ходе проекта, позволяют утверждать, что ключевым для области движения и нахождения в воде является противо-

² Заметим, однако, что нам не встретилось языка, в котором не было бы ни одного глагола плавания — пусть даже и с крайне ограниченной дистрибуцией.

поставление между ситуациями, которые мы условно называем активным и пассивным плаванием. Прототипическое активное плавание связано с приложением (одушевленным) субъектом усилий к движению в воде, тогда как пассивное плавание предполагает перемещение субъекта за счет движения среды (например, по течению) или его более или менее неподвижное нахождение на поверхности или в толще жидкости (служащей в данном случае своего рода «опорой» для субъекта). Говоря упрощенно, в естественно-языковой картине мира обычно лексически противопоставляются движение в воде людей и движение в воде предметов.

Обратим внимание, что это отличает плавание от многих других способов движения, где такого противопоставления нет — например, 'лезть' или 'бежать' применимы только к живым существам и соответствующие им действия активны и контролируемы. Если эти глаголы и «втягивают» в орбиту своего действия неодушевленные имена, то это воспринимается говорящим как перенос значения: о машинах говорят *бегут*, приписывая им человеческие свойства. С другой стороны, есть глаголы способа движения, ориентированные только на движение неодушевленных субъектов — ср. 'течь', 'литься' или 'сыпаться'. Здесь тоже случаи применения глагола к одушевленным субъектам не порождают принципиально другого концепта ситуации: *толпа течет* понимается всего лишь как уподобление толпы жидкой субстанции.

Областью, для которой разделение зон активного и пассивного движения очевидным образом релевантно, является движение в воздухе — и в этом отношении эта область близка к движению в воде. Лететь, как и плыть, можно прилагая усилия и совершая специальные физические движения — так летит птица. А можно лететь не прилагая специальных усилий, а лишь за счет потока воздуха — так летит пух или парит орел. Таким образом, активная и пассивная ситуация противопоставляются не столько по типу субъекта, сколько по **способу движения** — это касается и глаголов плавания.

Между тем, наряду с очевидно активными и очевидно пассивными ситуациями движения в воде, есть и такие, которые в отношении противопоставления по активности / пассивности занимают, так сказать, промежуточное место — таково «опосредованное» перемещение людей с использованием водных транспортных средств, т. е. движение судов и людей на судах. Оно может осознаваться и как разновидность активного, и как разновидность пассивного плавания: с одной стороны, движение судна самостоятельно и управляемо — значит, в нем есть активная составляющая; с другой стороны, плывущее судно все же неодушевленно и может легко концептуализироваться как пассивный участник — в особенности если учесть, что самые простые, прототипические средства передвижения человека по воде (типа плота и лодки) используют силу течения или ветра в качестве движущей.

Таким образом, применительно к области плавания можно говорить о **шкале активности / пассивности**, которая различает три зоны. Первая зона — активное плавание, крайний полюс ее антропоцентричен: это люди, активно и самостоятельно передвигающиеся по воде.

Другая зона — на противоположном конце шкалы — это пассивное плавание. Ее полюс (т. е. «зона наибольшей пассивности») — нахождение практически непод-

вижного легкого предмета (или предметов) на поверхности жидкости в небольшом сосуде: ср. чайники, плавающие в стакане чая, или кусочки морковки на поверхности супа. Более подвижны (а значит, дальше расположены от полюса пассивности) предметы на поверхности больших водоемов — ср. щепки в море, — а еще более «активны» в этой зоне предметы, движущиеся по течению, — ср. сплавляемые по реке бревна. Между первой (активной) и второй (пассивной) зонами на такой шкале располагаются ситуации перемещения судов и людей на судах; см. Схему 1.

Схема 1

Шкала активного / пассивного плавания

Активное плавание	Пассивное плавание	
<div style="text-align: center;"> люди / рыбы / птицы </div>	<div style="text-align: center;"> люди на судах / суда </div>	<div style="text-align: center;"> бревно по течению / щепки в море / морковка в супе </div>

В конкретных языках глаголы поля плавания по-разному членят эту шкалу: говоря упрощенно, чем более богата система, тем больше на шкале оказывается самостоятельных «отрезков» (обслуживаемых конкретным глаголом) и тем меньше эти «отрезки» по длине; напротив, наименее богатая система вообще никак не должна членить эту шкалу — хотя таких языков нам обнаружить и не удалось.

Скажем сразу, что данная схема носит чисто иллюстративный характер: опираясь на нее, нам легче будет обобщать обширный материал разных языков. В то же время мы понимаем, что зрительная «линейность» этой шкалы («активное плавание ~ плавание судов и на судах ~ пассивное плавание») носит отчасти условный характер, и не предлагаем считать выделяемые зоны образующими строгую иерархию — в частности потому, что совмещаться могут как значения, «примыкающие» друг к другу, так и значения, «разрывающиеся» другими подзонами (например, активное и пассивное плавание, но без плавания судов), см. подробнее раздел 3.3.4 и Заключение.

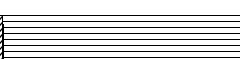
2.3. Примеры «средних» систем

Стандартная «средняя» система предлагает деление шкалы, совпадающее с тремя основными зонами, выделяемыми на ней, — активной, пассивной и движением судов. Можно было бы предположить, что «классической» средней системой должна быть система именно с тремя специализированными глаголами плавания, — но чаще всего таких глагола два: одна из зон обслуживается (так сказать, «по умолчанию») общими глаголами. Наиболее характерно «выпадение» из области, описываемой специальными плавательными глаголами, «судовой» зоны — именно для судов и их пассажиров общие глаголы перемещения (как правило, направленного — типа 'уходить', 'приходить', 'пересекать' и т. п.) зачастую являются основным или даже единственным средством выражения: тогда суда не отождествляются ни с плавающими людьми, ни с оказавшимися в воде предметами.

В этом смысле практически тождественные типы систем представлены в таких трех далеких — и генетически, и географически — языках, как тамильский, персидский и манинка: в каждом из них имеются специальный активный и специальный пассивный глаголы (дистрибуция которых не пересекается), однако специальный «судовой» глагол отсутствует, для описания перемещения судов и людей на них используются общие глаголы движения; см. Схему 2.

Схема 2

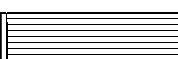
«Средние» системы с активным и пассивным глаголами

			
манинка	<i>námín</i>	общие глаголы движения	<i>fín</i>
тамильский	<i>nīntu</i>	общие глаголы движения	<i>mīta</i>
персидский	<i>šenā kardān</i>	общие глаголы движения	<i>šenāvar budān</i>

Распределение глаголов плавания по основным зонам (и «подзонам», о которых подробнее речь пойдет впереди) в «средних» системах может быть и менее тривиальным. Нередко глагол, описывающий активное плавание, охватывает и гораздо более широкую область на шкале, «залезая» в судовую либо пассивную зону (или даже в обе из них), — в этом случае мы можем говорить об «обобщенном» глаголе плавания, а не просто об «активном». Такой «обобщенный» глагол в лексической системе плавания может противопоставляться другому глаголу плавания, круг прототипических значений которого, как правило, связан с пассивным перемещением или нахождением на поверхности. Ср. ситуацию в грузинском языке, где наряду с основным глаголом плавания *curva*, допустимом во всех трех зонах, существует специализированная лексема пассивного плавания на поверхности воды *t'ivt'ivi* (она же в сочетании с префиксом 'вверх к говорящему' описывает всплытие); см. Схему 3³.

Схема 3

«Средняя» система с «обобщенным» глаголом и глаголом всплытия

		
грузинский	<i>curva</i>	<i>curva</i> (и общие глаголы движения)
		<i>(amo-)t'ivt'ivi</i>

В некоторых «средних» системах «обобщается», напротив, «судовой» глагол. Так, в частности, обстоит дело в древнегреческом языке, где глагол $\pi\lambda\acute{\epsilon}\omega$ 'плыть (о судне), плыть на судне' противопоставлен прототипическому глаголу активного плавания $\nu\acute{\epsilon}\omega$; предположительно, $\pi\lambda\acute{\epsilon}\omega$ являлся основным и для зоны пассивного плавания.

³ Заметим, что в грузинском имеется и периферийный «судоходный» глагол *naosnoba* 'заниматься мореплаванием', однако он достаточно редок и ограничен в своей сочетаемости, так что не может считаться основным для зоны перемещения судов и людей на судах.

Особый случай обобщения значения представляет армянский, в котором глагол *loyal* 'плыть (активно), плавать (о предмете)' совмещает правый и левый полюс шкалы и противопоставлен близким по смыслу судовым глаголам *navel* и *navarkel* (содержащим тот же индоевропейский корень, что латинское *nāvis* 'корабль' или грузинский глагол *naosnoba*, упомянутый выше); см. Схему 4.

Схема 4

«Средние» системы с глаголом перемещения судов / на судах

др.-греч.	<i>vέω</i>	<i>πλέω</i>	(<i>πλέω</i>)
армянский	<i>loyal</i>	<i>navel, navarkel</i>	<i>loyal</i>

Более сложный вариант средней системы демонстрирует хинди и близкородственные ему языки, а также хакасский: упрощенно распределение глаголов по зонам для данных систем дается на схеме 5, где правая, пассивная зона шкалы разделена на две части: перемещение по течению воды и — на крайне правом конце шкалы — нахождение на поверхности воды.

Схема 5

«Средние» системы с «обобщенным» глаголом и глаголом течения

хакасский	<i>чүзерге</i>	общие глаголы движения	<i>агарга</i>	<i>чүзерге</i>
хинди	<i>tairnaa</i>	<i>tairnaa</i> (и общие глаголы движения)	<i>bahnaa</i>	<i>tairnaa, utraanaa</i>

В хакасском глагол плавания *чүзерге* (имеющий широкое значение) противопоставлен глаголу пассивного плавания *агарга* 'течь (о жидкости), плыть (по течению)'; перемещение управляемых судов и людей на них обычно описывается общими глаголами движения, хотя *чүзерге* также возможен в подобных контекстах⁴. В хинди глагол *tairnaa* охватывает всю область активного плавания, а также всплытие, плавание на поверхности и нахождение в ограниченном объеме (он также допустим при описании перемещения судов и людей на них), тогда как глагол *bahnaa*

⁴ Похожая система отмечена и в удмуртском языке: в нем есть обобщенный глагол плавания *уяны* и глагол течения жидкости и пассивного перемещения предмета по течению *вашкыны*; глагол *вашкыны*, однако, не является специализированным по способу движения и может описывать широкий круг ситуаций 'спуска вниз' — как по воде, так и по земле (например, с холма или по лестнице). Тем самым удмуртскую систему более правомерно было бы отнести к «бедным».

описывает течение жидкости и движение предметов по течению. «Расширение» системы происходит в хинди за счет глагола *utraanaa*, занимающего на шкале единственный отрезок: «плавание на поверхности» — данная область в хинди, тем самым, обслуживается двумя глаголами.

Системы такого рода представляют особый интерес, мы вернемся к их трактовке в разделе 3.3.4 и Заключение.

Между тем есть «средние» системы с еще более сложным устройством противопоставлений трех основных зон: в них глаголы плавания имеют пересекающуюся дистрибуцию. Так, в сербохорватском глагол *плива* (ср. русск. *плыть*) описывает активное плавание, перемещение судов и людей на судах — обычно плоту или лодке — при активном участии человека, управляющего судном, и тот же глагол выступает в контекстах нахождения на поверхности или в ограниченном объеме жидкости. Второй глагол плавания *плови* (ср. русск. *плавать*) является основным средством описания плавания судов и людей на судах — в т. ч. без активных усилий управляющего ими человека, — а также пассивного перемещения по течению; наконец, имеется и более периферийная лексема *плутати*, за которой закреплено значение ‘находиться на поверхности воды, не тонуть’. Таким образом, если в активной зоне возможен только один глагол плавания, то в «судовой» зоне два — хотя *плови* и является наиболее нейтральным — а пассивная зона оказывается «поделена» между *плива* и *плови*, причем в одной из ее «клеток» по соседству с *плива* оказывается глагол *плутати*; см. Схему ба.

Система сходного типа представлена и в бенгали, в котором имеются синонимичные глаголы активного плавания *sātrano*, *sātar kaTa*, *sātar deuwa* (с тем же корнем, что и *tair-* в хинди), которые могут описывать и плавание судов; вторым же основным глаголом является *bhasa* — глагол течения воды и пассивного движения по течению. При этом *bhasa* возможен и в активной зоне при описании движения водных животных, а также в «судовой» зоне при описании медленного и плавного перемещения плавательных средств. Зона судов дополнительно «нагружена» в бенгали за счет специфических лексем *paRi deuwa* ‘плавать на судне по морю (или большим рекам)’ и *bhiRa* ‘подплывать к берегу (о судне)’, что приближает ее к «богатым» системам с дробным представлением «судоходной» зоны (см. раздел 3.2). Однако за вычетом явно маргинального глагола *bhiRa* система может быть представлена как «средняя» — с активным глаголом, «заходящим» в судовую зону, и пассивным глаголом, «заходящим» в судовую и активную зоны⁵.

Схема ба

«Средняя» система с пересекающейся дистрибуцией глаголов (сербохорватский)

<i>плива</i>	
<i>плови</i>	
<i>плутати</i>	

⁵ Здесь имеется в виду, что прототипом для глагола *bhasa* остается пассивное перемещение по течению и его появление в активной и судовой зоне возможно лишь в контекстах, соответствующих данному прототипу; на Схеме бб это отражено знаком «±» в соответствующей клетке.

Схема 66

«Средняя» система с пересекающейся дистрибуцией глаголов (бенгали)

<i>sātrano</i> и др.			
<i>bhasa</i>	(±)	(±)	
<i>paRi deuwa</i>			

Уже на примере рассмотренных выше «средних» систем видно, что основные три зоны плавания далеко не однородны. В них могут обнаружиться дополнительные противопоставления — к описанию лексических средств, которые их выражают (в рамках «богатых систем»), мы переходим в следующем разделе, где мы рассмотрим последовательно активную зону, зону перемещения судов и людей на судах и, наконец, пассивное движение и нахождение во воде.

3. «Богатые системы»:

дополнительные противопоставления в зонах плавания

3.1. Противопоставления внутри активной зоны

Как мы уже говорили, выделение «активного плавания» в качестве самостоятельной зоны основано прежде всего на том, что во многих языках мира есть глаголы, описывающие именно агентивное перемещение в воде живых существ и не описывающие (в своих прямых значениях) никаких других типов плавания; ср. Схему 7а. Такие глаголы можно назвать «чистыми» глаголами активного плавания; они используются со всеми типами субъектов, которые перемещаются в воде за счет своих физических усилий — сюда относятся люди, звери (типа собаки, лошади или оленя), водоплавающие птицы (лебеди, гуси и утки) и прочие животные, живущие в основном или исключительно в воде — типа лягушек, дельфинов, крокодилов и, конечно, рыб, являющих собой, на первый взгляд, своего рода «эталон» плавания.

К «чистым» глаголам активного плавания принадлежат, например, английский *swim* и нидерландский *zwemmen*, итальянский *nuotare* и португальский *nadar*, древнегреческий *νέω*, китайский *yóu*, корейский *heuyem chita*, японский *oёгу*, тамильский *nīntu*, лезгинский *сирнав авун*, селькупский *īqо* (и ряд его производных) или *námín* в манинка. Существование в языках мира «чистых» активных глаголов показывает, что перемещение в воде живых существ за счет собственных физических усилий может, с одной стороны, концептуализироваться как самостоятельный вид перемещения в воде, отличный по языковому выражению от перемещения других типов субъектов (таких как, например, бревно, плывущее по реке, или парусный фрегат, направляющийся в порт), а, с другой стороны, может выражаться единым образом для всех типов агентивных одушевленных субъектов.

Наряду с «чистыми» активными глаголами во многих языках, как мы уже знаем из предыдущего раздела, отмечены активные глаголы с «расширенной» сочетаемо-

стью (ср. Схему 7б); подробнее о случаях совмещения активной семантики с дополнительными «неактивными» контекстами речь пойдет в разделе 3.3.4.

Однако сфера применения активного глагола в языке может оказаться не только расширенной, но и суженной, т. е. охватывающей, по сравнению с «канонической» ситуацией, лишь часть одушевленных субъектов; ср. Схему 7в. Понятно, что такой подкласс субъектов получает, с когнитивной точки зрения, «особый статус» в языковой картине мира. Тот же эффект особого статуса возникает и тогда, когда либо пассивный, либо «судовой» глагол «захватывает» часть активной зоны, причем «склонность» к выделению в особые (под)типы активных субъектов обнаруживают лишь некоторые живые существа — прежде всего сами люди, но кроме того водоплавающие птицы и некоторые другие животные. Все эти случаи мы рассмотрим в разделах 3.1.1—3.1.3.

Схема 7

**«Активные» глаголы с прототипической (а), расширенной (б)
и суженной (в) дистрибуцией**

	Активная зона	Зона судов	Пассивная зона
а.			
б.			
в.			

3.1.1. Люди как особый субъект плавания

Противопоставление людей всем остальным одушевленным субъектам плавания, вообще говоря, вполне ожидаемо, если иметь в виду антропоцентричность языка в целом, но, по нашим данным, встречается это противопоставление не так уж часто: в большинстве языков картина мира устроена так, что люди, оказавшись в воде, ведут себя так же, как и другие живые существа.

Человек, однако, способен плавать не только с определенной целью (так сказать, «по делу»), но и «для удовольствия» либо для достижения спортивных результатов, и в некоторых языках имеются лексемы, описывающие именно такое «спортивное плавание». Таковы, например, *суйэй суру* в японском и *суыенг хата* в корейском — оба они буквально обозначают «плавание делать» (причем первый компонент является заимствованием из китайского⁶).

⁶ Заметим, что в китайском имеется целая группа лексем с компонентом *уǒng* 'плыть, плавание', которые специализированы на описании различных стилей плавания, — ср. *pá-uǒng* 'плыть кролем' (= «лезть, карабкаться + плыть»), *wā-uǒng* 'плыть брассом' (= «лягушка + плыть»), *yǎng-uǒng* 'плыть на спине' (= «лицом вверх + плыть») и т. п.

Любопытную параллель представляют собой глаголы плавания в некоторых «бедных» системах дагестанских языков, в которых активный глагол плавания если и отмечается, то имеет крайне ограниченную дистрибуцию. Так, в каратинском глагол *квалчIāl̄ъа* применим, по-видимому, только к людям, а в ицаринском диалекте даргинского сочетание *гьин даркъуй* 'плавать' (= «воду делать») используется только при описании самой способности человека плавать; все прочие виды активного перемещения в воде обозначаются общими глаголами типа 'идти'.

Близкий пример, связанный с особенностями культуры и географии, дает нганасанский язык. Нганасаны, как и другие северные народы, в силу понятных климатических условий плавать обычно не умели (более того — у нганасанов плавание человека считалось грехом), поэтому специализированный глагол для описания плавания человека у них отсутствует. Чтобы выразить идею плавания применительно к человеку, используется фреквентативный глагол *hotir-*, производный от корня *hot-* 'нырять, тонуть, погружаться в воду'. Тем самым достаточно экзотическая для нганасанов ситуация плавания человека может быть описана приблизительно как 'поныривать; нырять и выныривать'. Существенно, что плавание животных описывается другими лексемами (см. раздел 3.1.3).

В чем-то похожая ситуация в языке коми: в нем есть два глагола активного плавания, один из которых (*вартчыны*) применим прежде всего к людям, а второй (*уйны*) — к другим одушевленным субъектам. Дело в том, что глагол *вартчыны* образован от глагола физической активности с другой, неплавательной, семантикой — 'бить, ударять (руками и ногами)', — в силу чего в качестве глагола плавания он выделяет те ситуации, в которых активные движения субъекта наблюдаемы и похожи на удары по воде. Условно данный тип активного плавания можно назвать «плаванием кролем»; так может плыть человек, но также и те животные, у которых видны движения передних конечностей (например, собака), — а вот рыбы или, скажем, водоплавающие птицы в прототипической ситуации движутся в воде иначе, более «незаметно» — их движения скрыты под водой. Поэтому второй активный глагол, *уйны*, как раз и обозначает движение одушевленных субъектов по воде при незаметном движении конечностей — и прежде всего применим к водоплавающим птицам. О водоплавающих птицах и других водных животных мы сейчас поговорим подробнее.

3.1.2. Птицы и водные животные как особый субъект плавания

Итак, глагол активного плавания *уйны* в языке коми описывает субъекты, плавно движущиеся по поверхности или в толще воды, — водоплавающих птиц, живущих в воде животных типа крокодила, а также рыб, — в противоположность существам, плавающим «неплавно», т. е. «кролем».

Интересную параллель можно обнаружить в бенгали, где специальный глагол активного плавания для водных животных отсутствует, однако именно с такими субъектами возможен глагол течения воды и пассивного перемещения по течению *bhasa*. Этот глагол, в частности, описывает плавание крупных и неторопливых животных — таких как крокодил, морская черепаха, бегемот; что касается рыб, то к

ним применим как *bhasa*, так и основной глагол активного плавания *sātrano*. Правда, птицы в одну группу с рыбами и крокодилами в данном случае не попадают.

Впрочем, есть языки, где в особую группу активных субъектов выделяются именно птицы, — такова, в частности, ситуация в иврите и, по крайней мере отчасти, в арабском. В иврите (согласно описанию М. Арад) основной глагол активного плавания *saxah* неприменим к водоплавающим птицам, с которыми должен быть употреблен другой глагол — *šat*⁷. Прототипом последнего является «скользящее» плавание судов (и людей на судах), а также предметов по поверхности воды — например, бревен или ледяных глыб; см. Схему 8а. Понятно, что с когнитивной точки зрения такое деление совершенно не случайно: водоплавающие птицы перемещаются за счет движения конечностей, погруженных в воду, при том, что сами находятся над водой — в точности как, например, корабли или айсберги, выступающие из воды и дрейфующие в море. С определенной точки зрения — внешнего наблюдателя, игнорирующего активность лебедей или уток и вообще их одушевленность, но принимающего во внимание прежде всего «зрительный образ» их движения, — птицы больше похожи на плывущие яхты и айсберги, чем на людей, рыб или собак⁸.

Более «мягкий», если так можно сказать, вариант деления шкалы в зоне активного плавания предлагает родственный ивриту арабский язык: в нем активный глагол *sabaḥa* описывает движение в воде всех живых существ, но при этом арабский допускает и использование пассивного глагола *'a:ma* 'плыть по течению' применительно к птицам — причем даже в поговорке, описывающей уток как «прирожденных» пловцов (ср. *farakhu albaTTi 'awwa:mun* 'Утята хорошо умеют плавать', ≈ «не учи ученого», с производным существительным *'awwa:mun* 'умеющий плавать'); см. Схему 8б. Разница состоит в том, что зона движения судов занята в арабском не *'a:ma*, а другими глаголами — а именно общими глаголами движения и *'abḥara* 'плавать на судне по «большой воде»'.

Схема 8а

Водоплавающие птицы как особый тип субъекта (иврит)

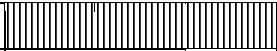

<i>saxah</i>			
<i>šat</i>			

⁷ Правда, некоторые носители иврита считают, что глагол *saxah* все же приемлем с названиями водоплавающих птиц (наряду с глаголом *šat*), т. е., по-видимому, в этой зоне можно говорить об определенной вариативности. Мы благодарим Полину Скородумову и Давида Эршлера за обсуждение данного вопроса.

⁸ Как видим, по общей стратегии противопоставления внутри активного плавания коми и иврит достаточно близки друг другу — но все-таки не совпадают: для коми важна не столько топология движения, сколько факт энергичного взаимодействия субъекта плавания с водой (в силу этимологии глагольного корня *варчч-*). Поэтому по отношению к движению рыб эти языки ведут себя по-разному: коми объединяет рыб и птиц как «неэнергичных», а иврит — разделяет, как имеющих разные зрительные образы: внешне рыба больше похожа на плывущего человека, а птица — на корабль.

Схема 8б

Водоплавающие птицы как особый тип субъекта (арабский)

<i>sabaħa</i>			
<i>'a:ma</i>			

Обратим внимание, что применение к птицам глаголов плавания судов и других типов лексем, описывающих «скольжение», характерно и для языков «среднеевропейского стандарта», например английского. Лебеди или утки являются достаточно распространенным типом субъектов при глаголе *sail* (а также *glide* ‘скользить’) — ср., например, *A few majestic swans sail up and down...* ‘Несколько чудесных лебедей плавают взад и вперед...’.

3.1.3. Прочие типы особых субъектов активного плавания

Другие примеры особых активных субъектов достаточно экзотичны. Своеобразная ситуация наблюдается в нганасанском языке, о котором уже шла речь выше. К животным, окружающим нганасанов, относятся прежде всего олени (дикие и домашние) и собаки — и в случае, если речь идет о перемещении по воде одного из таких животных, используется глагол *d'ahhi-*, означающий также ‘ходить по мелководью, идти по воде вброд’. Если применительно к человеку этот глагол используется только тогда, когда опорной поверхностью остается земля (ср. ‘ходить по воде (у берега)’, ‘шлепать по лужам’ или ‘переходить реку вброд’), то применительно к собакам и оленям это основной способ выразить ситуацию плавания без опоры на дно⁹.

Интерес представляет, помимо этого, и поведение рыб: как оказывается, их перемещение в воде в нганасанском языке обычно не описывается специальными «водными» глаголами, чаще используются общие лексемы (типа ‘идти’, ‘уходить’, ‘находиться’ и проч.). Такая ситуация кажется вполне закономерной: рыбы находятся в воде постоянно, это их исключительная среда обитания; поэтому, если в языке отсутствует общий глагол активного плавания, нет необходимости иметь какое-то особое средство для описания перемещения рыб — общих глаголов движения и бытия «по умолчанию» достаточно¹⁰. Особый глагол плавания гораздо важнее иметь для тех типов субъектов, которые в воде проводят не все время, для которых перемещение в воде — так сказать, «маркированный» способ перемещения, существенно отличный от способа их передвижений «в обычной жизни» (как у людей или зверей). Поэтому

⁹ Глагол *d'ahhi-* применим и к водоплавающим птицам, однако мнения информантов в данном пункте расходятся. Заметим, однако, что в этом случае птицы «присоединяются» к собакам и оленям потому, что они также шевелят конечностями при плавании — т. е. на первый план выходит параметр, связанный с физической активностью, а вовсе не «плавность» или «скольжение», когда движение конечностей как раз игнорируется как малозаметное. Здесь интересно и то, что люди в класс «шлепающих» или «машущих конечностями» субъектов не попадают — по-видимому, в силу большой специфичности самой ситуации плавания человека оно описывается, как мы помним, как «ныряние и выныривание».

¹⁰ Впрочем, если в языке имеется особый глагол активного плавания, обычно он описывает и плавание рыб, и это неслучайно: они, конечно, движутся в воде активно.

неудивительно, что среди языков, попавших в наше рассмотрение, нам не встретилось специального «рыбного» глагола, не применимого к другим живым существам ¹¹.

Заметим, что поведение одной рыбы очень часто кодируется носителями естественного языка иначе, чем поведение стаи или косяка рыб: косяк рыб движется по жестко заданному маршруту, и к нему применяются скорее общие глаголы движения. Так, по-русски мы говорим *большая рыба плыла по аквариуму*, но не **косяк рыб плыл на нерест* (ср. правильное: *косяк рыб шел на нерест* — при том, что нельзя сказать **большая рыба шла по аквариуму*). Ясно, что это проявление более универсальной закономерности, связанной с тем, что общие глаголы движения скорее, чем глаголы способа движения, выбираются в ситуации, в которой акцентируется заданный маршрут, поэтому сходные эффекты наблюдаются и в других языках ¹² (см. также о движении судов в разделе 3.2.3); ср. в этой связи, например, некоторые результаты дискурсивных исследований [Berman, Slobin 1994; Strömquist, Verhoeven (eds.) 2004].

3.2. Противопоставления внутри зоны плавания судов и на судах

Зона (управляемого) плавания судов и на судах менее гомогенна, чем активная зона, и в ней чаще наблюдаются дополнительные противопоставления. Прежде всего они касаются типа судна (см. раздел 3.2.1) и типа водоема (см. раздел 3.2.2), в котором происходит перемещение.

Что же касается вынесенного в заглавие разграничения плавания судов и плавания людей на судах, то оно встречается, хотя его нельзя назвать распространенным. «Судовые» глаголы с исключительно одушевленным субъектом в основном обнаруживаются среди лексем, специализированных по типу плавательного средства, — и действительно, ситуации типа 'идти на веслах' или 'идти под парусом' характеризуют прежде всего деятельность самого человека (исходно такие лексемы обычно описывают управление судном). Напротив, суда в качестве субъектов предпочтительны (по сравнению с людьми на судах) для «обобщенных» глаголов плавания типа турецкого *yüzmek* или немецкого *schwimmen* — такая ситуация тоже ожидаема, поскольку эти глаголы описывают, в числе прочего, и активное плавание, и тогда субъект-человек при них «по умолчанию» воспринимается именно как плывущий активно, а не на судне ¹³.

¹¹ Правда, по данным неопубликованного словаря австралийского языка куниньку, составленного М. Гардом (M. Gard), в куниньку плавание (скорее всего, крупных) рыб лексически совмещено с греблей — ср. глагол *karridjme* '1. гребти на лодке при помощи весел; 2. плыть при помощи хвоста и плавников (о рыбах)'. Тем самым, хотя особого «рыбного» глагола здесь все же нет, плавание рыб отделено от остального активного плавания (мы благодарим Николаса Эванса (N. Evans) за предоставленные материалы).

¹² Например, в арабском языке глагол активного плавания *sabaħa* возможен и при описании перемещения одной рыбы, и косяка рыб, однако лишь в том случае, если цель движения задается самим субъектом (ср. 'косяк рыб идет метать икру'). Если же цель движения задана «извне» и как бы «навязывается» субъекту, а не выбрана им самим (ср. 'рыба плывет прямо в сеть'), то использование *sabaħa* сомнительно, необходим выбор общего глагола перемещения.

¹³ Сходным образом ведут себя глаголы активного плавания в персидском (*šenā kardān*) и селькупском языках (*ūqyltēqo*); подробнее см. раздел 3.3.4.

В принципе, возможна и такая ситуация, когда глагол не выражает никаких дополнительных противопоставлений, а охватывает всю «судовую» зону целиком и является, так сказать, «чистым» глаголом перемещения судов и на судах. В качестве примера приведем латинский *navigare* и восходящие к нему глаголы ряда романских (и не только) языков, древнегреческий *πλέω*, английский *sail*, нидерландский *varen*, армянский *navel*, индонезийский *berlayar* или *hiflig* в иврите. Впрочем, специальный «судоходный» глагол не является, так сказать, ни необходимым, ни достаточным для системы плавания: в разделе 2.3 мы уже приводили примеры «средних» систем, в которых такой глагол отсутствовал; с другой стороны — в том числе и параллельно с таким глаголом в «судовую» зону могут встраиваться как более специализированные судовые глаголы, так и общие глаголы движения ('идти', 'ехать' и т. п., см. подробнее раздел 3.2.3) и даже глаголы, прототипически связанные с активной или пассивной зонами (см. раздел 3.2.4).

3.2.1. Различия, связанные с типом судна

Основными типами плавательных средств, на которых человек путешествовал по водным просторам, испокон веков являлись суда, оснащенные парусом, а также гребные суда, управляемые за счет весел.

Именно специальные «парусные» или «гребные» глаголы являются наиболее характерными для систем с более дробным членением «судовой» зоны. При этом типичным является образование глагола со значением 'плыть на парусном судне' непосредственно от существительного 'парус' — и, соответственно, глагола 'грести' от слова 'весло'. Подобные примеры можно обнаружить и в европейских языках: ср. английское *sail*, немецкое *segeln*, нидерландское *zeilen*, шведское *segla*, датское *sejler*, образованные от названия паруса; французское *cingler* и португальское *singrar* также восходят к этому германскому корню. «Парусные» глаголы в других языках — это, например, португальское *velejar* (< *vela* 'парус'), финское *purjehtia* (< *purje* 'парус')¹⁴ или индонезийское *berlayar* (< *layar* 'парус').

Все эти лексемы исходно обозначали, по-видимому, именно управление парусным судном и его перемещение; однако во многих языках семантика «парусного» глагола со временем значительно расширилась. Так, если португальское *velejar*, немецкое *segeln* или нидерландское *zeilen* в настоящее время по-прежнему применимы исключительно к парусникам, то, например, английское *sail* может описывать и плавание на пароме, пароходе, авианосце и проч. (и перемещение самих этих средств). Аналогично, индонезийский глагол *berlayar* может сочетаться не только с парусными лодками в роли субъектов, но и, например, с названиями гигантских судов типа танкера; в финском глагол *purjehtia* также употребляется в широком значении 'путешествовать по воде, плавать из одного места в другое' и совместим с обозначениями судов разных типов.

¹⁴ В финском имеется и глагол с заимствованной основой *seilata* (от англ. *sail*) — разговорное слово для описания «трудовой деятельности моряка, много плававшего по морям и океанам».

Таким образом, развитие глагола плавания под парусом может пойти по пути постепенного освоения всей зоны плавания судов; при этом степень обобщенности «парусного» глагола является важным параметром варьирования. Понятно, что такой тип движения по поверхности воды легко соотносится с движением предмета под воздействием ветра в воздухе, поэтому неудивительно, что во многих языках тот же глагол применяется и по отношению к облакам (ср. финское *pilvet purjehtivat taivaalla* 'облака плывут на небе') и летящим птицам (подробнее см. статью о метафорах глаголов плавания).

Итак, перемещение по водному пространству при помощи паруса может лексически выделяться говорящими в отдельный тип плавания. То же нередко происходит и с плаванием на веслах, однако в целом глаголы типа 'гresti' обычно сохраняют свое узкое значение и для них не характерно расширение на весь круг плавательных средств¹⁵. Глаголов «гребли» в языке может существовать и несколько — как правило, они образованы от названий разных типов весел: ср. английские глаголы *to oar* (от *oar* 'весло'), *to scull* 'гresti парными веслами' (от *scull* 'парное весло'), *to paddle* 'плыть на байдарке' (от *paddle* 'весло-гребок'); имеется и общий глагол *to row* 'гresti, идти на веслах'. Аналогичная картина наблюдается и в других европейских языках: ср. немецкое *rudern* 'гresti' (от *das Ruder* 'весло') или португальское *remar* 'гresti' с тем же индоевропейским корнем, что и английское *row*. В финском языке также имеется несколько «гребных» глаголов — *soutaa*, используемый, когда гребец сидит спиной к носу и гребет веслами, вставленными в уключины, *huovata*, описывающий греблю при расположении гребца по ходу движения, и *meloa* 'гresti на байдарке или каноэ двухлопастным веслом'. Из языков другого ареала упомянем индонезийский, в котором, в частности, имеются отыменные лексемы *berdayung* 'плыть на веслах' (< *dayung* 'весло') и *berkayuh* 'плыть на веслах' (< *kayuh* 'весло'). Наконец, в нганасанском языке глагол *ηəntəu-* 'плыть на (гребной) лодке' — который в определенном смысле является «основным» глаголом плавания, поскольку описывает тот тип перемещения по воде, который наиболее характерен для самих нганасанов, — образован от названия традиционной лодки *ηənduj* 'ветка, одновесельная лодка'; при этом есть и специальный глагол 'гresti' с другим корнем.

Для глаголов «гребли» характерны большие ограничения, чем для «парусных» глаголов, — так, во многих языках они используются только применительно к плаванию человека на судне, но не самого судна: ср., например, неприемлемое **De boot roeide naar de kant* 'лодка плыла («гребла») к берегу' из нидерландского с глаголом *roeien* 'гresti'; аналогичные ограничения имеются, например, и в индонезийском или нганасанском. Все это, по-видимому, говорит о том, что такие глаголы расцениваются в большей степени как глаголы управления определенного рода объектом (в данном случае лодкой), а не собственно глаголы перемещения.

«Парусные» и «весельные» глаголы обязаны своим происхождением названиям определенных функционально значимых частей судна. Встречаются,

¹⁵ Лексема 'гresti' рассмотрена далеко не во всех статьях сборника, и причиной этому может быть не только отсутствие такой лексемы, но и ее маргинальное положение в системе, обусловленное специфическим значением.

однако, глаголы плавания, образованные и от названия судна в целом — ср., например, армянские лексемы *navel* и *navarkel* 'плыть на судне' (при *nav* 'корабль') или грузинское *naosnoba* 'заниматься мореплаванием' (< *naosani* 'моряк' < *navi* 'корабль'). Что касается латинского глагола *navigare*, ставшего в ряде романских языков основным глаголом перемещения судов, то он, по-видимому, восходит к сочетанию слов *navis* 'корабль' и *agere* 'приводить в движение, вести'¹⁶.

Наличие нескольких глаголов подобного рода характерно для языков с продуктивным отыменным словообразованием — в частности, для уже упоминавшихся выше в этой связи германских и индонезийского. В нидерландском, например, существуют лексемы типа *kanoën* 'плавать на каноэ', *kajakken* 'плавать на каяке' или *waterfietsen* 'плавать на водном велосипеде', образованные от соответствующих названий плавательных средств. В принципе, данная группа глаголов является открытой, поскольку при необходимости — например, в случае появления нового плавательного агрегата — она может быть легко пополнена. В индонезийском языке образование глаголов при помощи «посессивного» суффикса *ber-* также чрезвычайно продуктивно, так что имеется целый ряд отыменных лексем со значением 'плавать на судне, обозначенном глагольным корнем': ср. *berkapal* 'плыть на корабле' (< *kapal* 'судно'), *berperahu* 'плыть на лодке' (< *perahu* 'лодка'), *bersampan* 'плыть на лодке' (< *sampan* 'лодка, челнок'), *berakit* 'плыть на плоту' (< *rakit* 'плот'). Все эти глаголы, однако, могут указывать исключительно на плавание человека на судне, но не могут иметь в качестве субъекта само судно.

Итак, в языках достаточно распространены «парусные», «весельные» и «корабельные» глаголы (образованные, соответственно, от имен 'парус', 'весло' или 'корабль'); обобщение семантики (т. е. постепенное освоение всей судовой зоны) характерно прежде всего для «парусных» глаголов; «гребные» и «корабельные», как правило, описывают движение человека, а не самого судна.

3.2.2. Различия, связанные с типом водоема

Плавать человек может не только на разных судах, но и в разных водоемах (морях, океанах, реках), однако глаголы перемещения на судне, специфицированные по типу среды, встречаются намного реже, чем глаголы, указывающие на конкретный тип судна.

Весьма любопытный, однако уникальный (среди рассмотренных нами языков) пример предоставляет индонезийский: в нем есть целая группа глаголов, образованных префиксом *meN-* от названий водоемов и обозначающих плавание по этим водоемам: ср. *melaut* 'плавать по морю' (< *laut* 'море'), *mendanau* 'плавать по озеру' (< *danau* 'озеро'), *menyelat* 'плавать по проливу' (< *selat* 'пролив'). Наиболее употребительным среди них является *melaut*, прочие глаголы со спецификацией места встречаются сравнительно редко; при этом *melaut* употребляется для обозначения и

¹⁶ В ряде современных языков глаголы, восходящие к *navigare*, выступают и как переходные со значением 'управлять транспортным средством' — причем не только водным, ср. английское *to navigate a ship* 'вести корабль', *to navigate a plane* 'управлять самолетом' и т. п.

плавания судов, и плавание людей на судах — но не сочетается с активными субъектами (ср. рыбы) или пассивно «болтающимися» на поверхности предметами (ср. бутылки).

Существуют и другие случаи выделения «морского» глагола в отдельный тип. Так, в испанском и португальском языках имеется глагол *marear* 'ходить по морю, находиться в плавании' (восходящий, судя по всему, именно к слову 'море'). В обоих языках он, однако, является устаревшим и малоупотребительным; в частности, в португальском его можно встретить почти исключительно в определительной конструкции со значением 'имеющий отношение к мореплаванию' — ср. *carta de marear* 'морская карта', *agulha de marear* 'компас', *arte de marear* 'искусство мореплавания' и т. п.

Арабский глагол *'abħara* 'выходить в море; отплывать' также образован от корня *b-ħ-r* 'море' и используется прежде всего для описания мореплавания как «профессиональной деятельности», которой занимаются моряки; его субъектом может быть как человек, так и само судно. Глагол мореплавания, судоходства имеется и в грузинском — это уже упоминавшийся *naosnoba*, производный от *naosani* 'моряк' и имеющий ограниченную сочетаемость (только с исходным именем *navi* 'лодка; (устар.) корабль' в роли средства перемещения). В китайском есть несколько лексем со значением мореплавания, в состав которых входит компонент *hǎi* 'море' — ср. *háng-hǎi* 'плыть по морю, мореплавание' (= «судоходство, навигация + море») или *yóu-hǎi* 'плыть по морю, переплывать море' (= «плыть, плавать + море»). Первое из указанных слов было заимствовано и в корейский язык со значением 'мореплавание', и сложный глагол *hanghay hata* («мореплавание делать») является единственной специальной лексемой плавания в корейском языке, описывающей управляемое перемещение судов и людей на судах.

В целом глаголы мореплавания зачастую не столько маркируют тип среды перемещения, сколько указывают на определенную деятельность — путешествие на судне по морю с некоторой (серьезной) целью. Заметим, например, что корейский глагол *hanghay hata* неприемлем в случае, если речь идет о перемещении по морю, которое осуществляется с целью самого перемещения, т. е. носит «развлекательный» характер (≈ 'кататься на корабле').

В том же ряду стоит и своеобразное глагольно-именное сочетание *paRi deuwa* (букв. «переправление на другой берег давать») в бенгали: оно описывает именно пересечение «большой воды» — моря, океана или большой реки — с целью достижения конечной точки на другом берегу (если речь идет о небольшом водоеме, используется другая лексема).

В бенгали имеется еще и особый глагол приближения судна к берегу *bhiRa* 'подплывать (о судах), приставать к берегу, бросить якорь'; ср. также нганасанскую лексему *kəra-* со значением 'пристать к берегу, причалить', применимую как к традиционной лодке («ветке», см. о ней выше), так и к другим видам судов; сходство с глаголом *bhiRa* в бенгали в данном случае очевидно¹⁷.

¹⁷ Еще одна специфическая нганасанская лексема, также указывающая на прекращение пребывания в воде, — *kubta-* 'выходить из воды на берег', причем субъектом данного глагола

Есть языки, где имеется специальное средство для описания спуска или подъема по течению реки (на судне). Например, в селькупском особый глагол *pentuqo* обозначает движение плотов и лодок, а также людей на них вниз по течению реки, причем в данном случае речь идет не о пассивном, а о контролируемом человеком спуске (но именно на судне); в более общих контекстах типа 'спускаться с горы' этот глагол не употребляется. Специальные глаголы *kiltni* 'плыть вниз по течению реки' и *katni* 'плыть вверх по течению реки' есть и в коми; а в удмуртском языке глаголы *vaš'kini* 'спускаться' и *tubini* 'подниматься', хотя и используются для описания движения вниз и вверх по реке, не являются специализированными и могут описывать и перемещение по земле, а также (первый из глаголов) течение жидкости. (Ср. русск.: *Проехали в Казань, оттуда спустились по Волге до Самары и: Пароход по Волге поднялся к Казани.*)

Обратим внимание, что использование общих глаголов в подобных контекстах вполне закономерно, если учесть, что именно они предпочтительны при указании направления перемещения: именно это явление мы рассмотрим в следующем разделе.

3.2.3. Движение судов, управляемость и наличие маршрута

Описывая примеры «средних» систем глаголов плавания в разделе 2.3, мы говорили о том, что нередко зона перемещения судов и людей на судах противопоставляется двум другим основным зонам плавания, не имея при этом специального глагола. Но и при наличии особого «судового» глагола для большинства рассмотренных нами языков характерно активное использование в данной зоне общих глаголов перемещения — 'идти; ехать', 'уходить', 'приходить', 'пересекать' и т. п.

Тем самым даже в более «богатых» системах общие глаголы движения конкурируют со специальными глаголами плавания судов и при этом могут противопоставляться им по каким-то параметрам. Наиболее распространенный случай, представленный, в частности, во многих европейских языках, — это выбор общего глагола движения для выражения определенного направления ('сюда', 'туда', 'через' и т. п.) — в противовес ненаправленному либо немаркированному по признаку направленности движению, которое называет специальный глагол типа французского *naviguer* или английского *sail*¹⁸.

То же верно и для тех языков, в которых основной глагол плавания имеет обобщенную семантику, а специальный судовой глагол отсутствует: ср., например, такие типичные высказывания, как *Das Schiff geht um 10.00* 'Корабль отплывает («отходит») в 10.00' из немецкого, *Karşidan bir kayık geliyordu* 'Навстречу плыла («приходила») лодка' из турецкого, а также аналогичные русские примеры типа *Яхта шла к берегу...* или: *...пробраться на корабль, идущий в Бразилию* (НКРЯ).

может быть человек или животное, но лишь при условии, что перед выходом на берег они находились именно в воде, а не в лодке. (Или, в крайнем случае, — на тонком льду: так или иначе, берег должен расцениваться как более надежное место, чем вода или лед.)

¹⁸ Любопытно, что английское *sail* в некоторых контекстах (в том числе и без наречных модификаторов) может выражать значение удаления — 'отплывать', — но не прибытия.

Для судов характерно перемещение на большие расстояния и, кроме того, перемещение с определенной целью, т. е. по заданному (капитаном судна) маршруту — как кажется, именно по этой причине роль глаголов движения здесь наиболее велика¹⁹. Кроме того, для судов компонент способа может отходить на второй план: и так понятно, что они движутся по воде (близкие соображения о применении общих глаголов к рыбам см. в разделе 3.1.3). Специально маркировано — на этот раз глаголом пассивного движения — будет скорее неуправляемое перемещение судна (например, лодки со сломанной мачтой), когда оно становится просто пассивно дрейфующим предметом типа айсберга, см. также раздел 3.3. Заметим, что общие глаголы движения, даже без выраженной конечной или начальной точки, описывают именно *управляемое* перемещение, следование судна выбранному курсу — так, вряд ли можно было бы расценить как приемлемый пример типа *Корабли шли под нейтральным польским флагом* (НКРЯ) в том случае, если бы речь шла о судне, не управляемом человеком.

Особый случай использования в системе глаголов плавания общих глаголов движения представлен тогда, когда в языке специализированный «судовой» глагол занимает достаточно узкую нишу, будучи ограниченным определенным типом контекстов (например, определенным типом судна). Тогда общий глагол употребляется как нейтральный для движения судов, а ему противопоставлена особая разновидность судоходства: мореплавание, как в арабском или корейском (ср., соответственно, глаголы *'abħara* 'выходить в море; отплыть' и *hanghay hata* 'плыть по морю на судне'), плавание под парусом, как в финском (ср. *purjehtia* 'плыть под парусом'), или перемещение на традиционной гребной лодке, как в нганасанском (ср. *ηəntəu-* 'плыть на ветке (тип лодки)'). Заметим, что в последнем случае область, занимаемая специальным глаголом *ηəntəu-*, ограничена еще и одушевленными субъектами; по-нганасански сами ветки (и тем более другие типы судов) просто «ходят».

3.2.4. «Активные» и «пассивные» глаголы в зоне судов

Мы уже говорили, что «судовая» зона на шкале (см. Схему 1) — промежуточная по своей семантике, совмещающая параметры активной и пассивной ситуации. Неудивительно, что она может «захватываться» глаголами, представляющими каждый из полюсов шкалы активности. Существенно, что обычно эти глаголы действуют в таком случае в конкуренции либо с собственно глаголами перемещения судов, либо с глаголами общего движения — т. е. сама зона, при всей ее близости, соответственно, к активной или пассивной частям шкалы (в рамках конкретной системы), сохраняет, тем не менее, свою самостоятельность.

Рассмотрим сначала те случаи, когда глагол активного плавания «заходит» в зону перемещения судов и на судах. В нашем материале подобных примеров не очень много: это персидский глагол активного плавания *šenā kardan*, способный также описывать управляемое перемещение судна (но не человека на судне!), и синони-

¹⁹ Случаи, когда общие глаголы движения используются в зоне активного или пассивного плавания в системах, где имеются соответствующие специальные лексемы, сравнительно редки. Однако крайне распространена ситуация, при которой глаголы направленного движения используются в «сериальных» конструкциях в сочетании с глаголом плавания — типа «(плывя / плавая идет)», «(плывя / плавая приходит)» и т. п. — при выражении маршрута перемещения соответствующим способом.

мичные лексемы *sātrano* / *sātar kaTa* / *sātar deuwa* в бенгали, которые могут обозначать как плавание судна, так и человека на нем; ср. Схемы 9а, б. В обоих случаях основным средством для описания перемещения судна являются общие глаголы движения.

Схема 9а

«Активный» глагол в зоне перемещения судов / на судах (персидский)

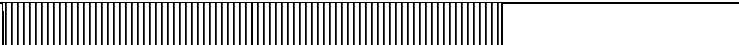

<i>šenā kardan</i>	
общие глаголы	

Схема 9б

«Активный» глагол в зоне перемещения судов / на судах (бенгали)

<i>sātrano</i> и др.	
общие глаголы	

В этом ряду можно упомянуть и два более маргинальных случая. Селькупский *īqyltēgo*, являющийся «интенсивно-перфективным» производным от глагола активного плавания, допускает и сочетание с названиями судов в роли субъекта (в контекстах типа 'лодка уплыла'). А в карачаево-балкарском языке глагол активного плавания *джюзерге* в принципе также совместим с названиями судов (но не людей на судах), хотя общие глаголы движения однозначно предпочтительны в таких контекстах.

Обратный по отношению к только что описанному случай — это, напротив, «проникновение» пассивного глагола в зону перемещения (управляемых) судов: здесь подчеркивается уже не агентивный компонент в плавании судна а скорее особый тип взаимодействия со средой — плавность и «скользящий» характер движения по поверхности. Примеров подобного рода в нашем материале тоже не очень много, однако чуть больше, чем для совмещения «судового» плавания с активным.

Один из них также дает бенгали: глагол пассивного перемещения по течению и течения самой жидкости *bhasa* может описывать не только плавное перемещение водных животных (см. раздел 3.1.2), но и медленное перемещение управляемых или неуправляемых плавательных средств и людей на них; этот глагол обозначает и способность плавательного средства хорошо держаться на плаву и не тонуть. Аналогичная картина наблюдается и в хинди: хотя глагол пассивного плавания и течения жидкости *bahnaa* имеет другой корень, нежели *bhasa* в бенгали, он тоже используется при описании управляемого либо неуправляемого перемещения судна — но только по течению: ср. *kištii bahaav ke saath* / **khilaaf bahtii rahtii thii* 'Я греб изо всех сил и) лодка продолжала плыть по течению / *против течения' и *kištii bah gaii* 'Лодку унесло течением'²⁰. Нетрудно заметить, что в зоне движения судов в обоих языках имеется достаточно большая конкуренция: помимо общих глаголов, в них

²⁰ В первом примере глагол *bahnaa* выступает в аналитической форме со значением прогрессива / континуатива, во втором — в составе так называемого «интенсивного» глагола с компонентом 'уходить'.

могут выступать «активный» глагол бенгали *sātrano* и обобщенный глагол хинди *tairnaa*, а также пассивные глаголы *bhasa* и *bahnaa*, соответственно; в бенгали в дополнение к этому имеются и специфические «судовые» лексемы *paRi deuwa* ‘плавать на судне по морю (или большим рекам)’ и *bhiRa* ‘подплывать к берегу (о судне)’ (см. также раздел 3.2.2).

Расширение пассивного глагола на управляемое перемещение судов и на судах происходит еще и в некоторых уральских языках — в особых аспектуальных контекстах. Так, селькупский глагол пассивного плавания *kirygo* получает возможность описывать управляемое движение судна при итеративности (ср. ‘капитан плывал в этот порт три раза’) — в данном случае становится нерелевантным ключевой компонент значения ‘двигаться по течению реки’ и, кроме того, возможно и расширение на другие типы среды — например, море. Сходным образом ведет себя и язык коми: присоединяя итеративный суффикс *-л-*, глагол *кывтыны* с похожим значением ‘плыть вниз по течению’ меняет значение и может значить как ‘плавать в разных направлениях (например, по озеру)’, так и ‘сплавать на судне туда и обратно’.

Более сложный случай представлен в иврите — как уже говорилось выше, одним из основных глаголов плавания в этом языке является *šat*, который описывает пассивное перемещение предметов по поверхности воды (например, бревен или ледяных глыб), а также плавание птиц. Этот же глагол распространен и в зоне плавания судов и людей на судах — наряду с более специфическим судовым глаголом *hiflig*, предпочтительным при описании длительного плавания на большом корабле. Тем самым трудно судить, что является «прототипической» ситуацией плавания для *šat* — перемещение судна / на судне (и тогда айсберги или лебеди как бы уподобляются судам) либо плавное, «скользящее» движение как таковое.

Наконец, весьма интересная ситуация наблюдается в некоторых славянских языках, прежде всего сербохорватском и македонском, в которых два основных глагола плавания — типа русских *плыть / плавать* — противопоставлены уже не по направленности или итеративности, а собственно по способу движения (в частности, по степени его активности). Сербохорватский глагол *плови* и македонский глагол *пловити* (соответствующие русскому *плавать*) ограничены именно двумя интересующими нас зонами — они описывают либо пассивное перемещение, либо перемещение судна и на судне, в т. ч. направленное и однократное: ср. сербохорватские примеры типа *Чамац плови према обали* ‘Лодка плывет к берегу’ или *Видели смо да реком плови брвно* ‘Мы увидели, что по реке плывет бревно’. Что касается болгарского глагола *плавам* ‘плавать’, то он используется далеко не всеми носителями языка, будучи вытесненным глаголом *плувам* ‘плыть’ из всех контекстов; важно, однако, что для тех идиолектов, где противопоставление *плувам / плавам* сохраняется, именно последний является основным средством описания перемещения судов и на судах.

3.3. Противопоставления внутри пассивной зоны

Пассивная зона — пожалуй, самая сложная на шкале, и в рамках этой статьи мы не сможем охватить все противопоставления, в принципе релевантные для ситуации

пассивного плавания и нахождения в воде, и укажем только на наиболее типологически значимые и распространенные.

Ключевым противопоставлением в пассивной зоне является прежде всего 'перемещение по течению' vs. '(относительно неподвижное) нахождение в воде' — см. раздел 3.3.1. Пассивное перемещение по течению нередко бывает связано метонимическим переносом с течением самой воды; полисемия 'плыть' ~ 'течь' присуща многим языкам мира — об этом речь пойдет в разделе 3.3.2. Что же касается пассивного нахождения в воде, то в этой зоне обнаруживаются дополнительные противопоставления, связанные, например, с нахождением в закрытом сосуде, — они обсуждаются в разделе 3.3.3.

Наконец, в разделе 3.3.4 рассматриваются неординарные с точки зрения нашей шкалы плавания случаи, когда в пассивную зону «заходит» активный глагол.

3.3.1. Перемещение по течению vs. нахождение в воде

О глаголах плавания (так же как о глаголах вращения или качания, лазания или ползания) можно говорить как о глаголах определенного способа движения. Действительно, когда мы говорим по-русски о том, что *лодка плывет к берегу*, *спортсмены плавают в бассейне*, *по реке плывут льдины*, *по озеру плавают утки*, мы имеем в виду именно перемещение субъектов в водной среде — однократное и направленное (как в случае глагола *плыть*) либо неоднократное и/или разнонаправленное (как в случае глагола *плавать*). При этом так же, как глагол ненаправленного перемещения *плавать* не может быть использован в предложениях типа *бревна быстро плывут* / **плавают по течению реки*, глагол направленного перемещения *плыть* невозможен в контекстах наподобие *у меня в супе плавают* / **плывет волос*. Однако контексты последнего типа фактически уже и не описывают перемещение — фраза *в супе плавают волос* имеет скорее локативное значение и означает 'в супе находится волос', а выбор «водного» глагола дополнительно подчеркивает, что речь идет именно о нахождении в водной, а не какой-либо иной среде. В русском языке, таким образом, ненаправленное или разнонаправленное перемещение «склеено» с (более или менее) неподвижным нахождением в жидкой среде²¹: глагол *плавать* выступает в ряде контекстов как позиционный глагол наподобие *сидеть*, *стоять*, *лежать*.

Типологические данные подтверждают значимость противопоставления двух «подзон» в рамках пассивного плавания: во многих языках мира имеются «пассивные» глаголы, которые охватывают либо только перемещение по течению, либо только нахождение в воде. Бывает и так, что «чужой» глагол (из другой зоны) «заходит» в пассивную зону, но при этом захватывает в ней опять-таки либо только перемещение (как некоторые «судовые» глаголы, см. подробнее раздел 3.2.4), либо

²¹ При этом чем меньше объем водоема, тем менее вероятно, что субъект в нем будет двигаться хоть сколько-нибудь заметно: ср. *в море плавал какой-то мусор* ~ *по озеру плавали острок тины* ~ *в луже плавали опавшие листья* ~ *в чашке с бульоном плавал кружок морковки*.

только нахождение (как некоторые «активные» глаголы, см. подробнее раздел 3.3.4). В принципе, учитывая распространенность данного противопоставления, а также важность самого различия 'перемещение' vs. 'нахождение', нашу «шкалу активности» можно было бы представить не в виде трехчастной (как на Схеме 1 выше), а в виде четырехчастной, ср. Схему 10 (а также Заключение).

Схема 10

«Четырехчастная» шкала активного / пассивного плавания

Активное плавание	«Судовое плавание»	Движение по течению	Нахождение на поверхности
люди / рыбы / птицы	люди на судах / суда	бревно по реке	щепки в море / морковка в супе

Заметим, однако, что, по нашим данным, языков, в которых имеется два пассивных глагола, распределенных именно так, как показано на Схеме 10, не так много; следовательно, хотя системно две подзоны в рамках пассивного плавания противопоставлены достаточно четко, «чистых» четырехчастных систем (подобных, например, «средним» трехчастным системам, рассмотренным выше) практически нет. К ним близки некоторые системы романских и германских языков — например, английская с глаголами *drift* vs. *float*, нидерландский с глаголами *drijven* vs. *dobberen* или португальская с глаголами *flutuar* vs. *boiar* (аналогичная система представлена в латиноамериканском варианте испанского языка, ср. *flotar* vs. *boyar*). Однако и в этом случае в языке могут оказаться дополнительные глаголы пассивного плавания, делающие систему более «богатой», или же один из противопоставленных глаголов окажется чуть отклоняющимся от прототипа.

Наконец, стоит сказать и о том, что раздельная лексикализация пассивного перемещения vs. нахождения в воде является далеко не универсальной: имеются и «общие» пассивные глаголы, которые описывают всю пассивную зону. Наиболее распространены такие глаголы, как мы уже знаем, в средних системах: ср. персидское *šenāvar budan*, тамильское *mita*, а также *fūn* в манинка или *bhasa* в бенгали. Об «общем» пассивном глаголе можно говорить и применительно к корейскому *tuta* или китайскому *piāo*; близки к этому статусу и лексемы типа шведского *flyta* или французского *flotter* (и однокоренные глаголы родственных языков). Кроме того, многие обобщенные глаголы плавания, совмещающие активную и пассивную семантику — такие как немецкий *schwimmen*, армянский *loyal*, турецкий *yüzme* или латинские *nare / natare*, — также не делают различия между подзонами внутри пассивного плавания, выступая в роли одного из средств выражения (или единственного средства) во всей пассивной зоне²².

Одновременно существуют и системы с более дробным, нежели двоичное, членением пассивной зоны — так что, вообще говоря, «четырёхчастная» шкала не может решить всех проблем описания пассивной зоны плавания (см. также Заключение).

²² Сказанное не означает, что противопоставление пассивного перемещения vs. нахождения в воде не может быть выражено в данных языках — просто в них в таких случаях привлекаются другие, в частности, грамматические средства — например, сериальные конструкции типа 'плавающая идет', 'плавающая приходит', сочетания со служебными направлятельными морфемами и др.

3.3.2. Движение по течению и течение жидкости

Во многих языках мира, в том числе в романских и германских, имеются специальные лексемы, выражающие безвольное, неуправляемое перемещение, при котором субъект, условно говоря, «несет» подвижная водная среда (течение или волны)²³ — ср., в частности, французский глагол *dérriver* и сочетание *aller à la dérive* (с глаголом 'идти'), аналогичные итальянское и испанское выражения *alla deriva / a la deriva* 'по воле волн', а также английский глагол *drift* и родственные ему шведский *driva* и немецкие *driften* и *treiben*. История этих лексем отчасти пересекается, поскольку, в частности, французское *dérriver* нередко считается смешением исходного глагола со значением 'удаляться от берега' (< префикс удаления *de-* + *rive* 'берег') с английским *drive*, имеющим тот же общегерманский корень, что и *drift*. Тем не менее этимологически романское и германское глагольные гнезда различны, причем входящие в них глаголы в настоящее время являются чрезвычайно многозначными. Те из их употреблений, которые связаны с водной средой, могут быть проиллюстрированы такими примерами, как *Auf dem Fluss trieb ein Baumstamm* 'По реке плыло (= «было несомо») бревно' из немецкого, *...de lösa isflaken började driva motsols...* 'оторвавшиеся льдины понеслись в направлении против солнца' из шведского или *...nothing but a bottle drifting on the high seas* '(это была) всего лишь бутылка, которую носило по бурному морю' из английского.

Среди наиболее частотных субъектов таких глаголов — суда, отклоняющиеся от курса или пассивно дрейфующие при потере управления: ср. немецкий пример *das Schiff treibt mit dem Strom* 'судно несет по течению, судно дрейфует' с глаголом *treiben* 'гнать; нести, уноситься' или французский *Le bateau dérivait dangereusement vers la côte* 'Корабль опасно относилось к берегу' с глаголом *dérriver*, обычно толкуемым в словарях именно как 'относиться (течением, ветром); дрейфовать, отклоняться от курса'.

В этом смысле интерес представляет и сравнительно редкий корейский глагол пассивного плавания *phyolyu hata* 'дрейфовать, плыть по течению', который используется, как правило, при описании перемещения по морю неуправляемого судна или человека, не способного контролировать свое передвижение; наиболее типичный контекст употребления глагола — это именно описание «дрейфования» по воде после кораблекрушения.

Другой пример — индонезийский глагол *hanyut* 'быть несомым потоком' — ср. *...semua harta benda termasuk rumah telah hanyut terbawa banjir* 'все, что было в доме, унесло наводнение' (при этом в индонезийском имеется и глагол, так сказать, «ненаправленного дрейфа» — *terombang-ambing* 'качаться на волнах; дрейфовать, относиться (ветром, течением)', применимый прежде всего к судам и людям на них: ср. *Sekitar empat hari kami terombang-ambing di tengah samudera* 'Около четырех дней нас носило посреди океана'). Еще одним «глаголом дрейфа» является и японский *tadaëy*, который может описывать беспорядочное перемещение как в водной, так и в воздушной среде: ср. *Кобунэ га тайкай о tadaëy* 'Лодка плава-

²³ Интересно, что в ряде языков основным способом описания ситуации 'пассивно перемещаться по воде, будучи несомым потоком' является именно глагол со значением 'нести', а не какой-либо из глаголов плавания: так, по нашим данным, дело обстоит, в частности, в иврите и в аварском языке. Заметим, что глагол пассивного перемещения по течению *bahnaa* в хинди также восходит к лексеме со значением 'нести; везти (груз, телегу и т. п.); вести'.

ет / дрейфует по океану' или *Kadзэ ni madaëy ханабира* 'летающие по ветру лепестки'. Впрочем, перенос на воздушную среду характерен для лексем с близким значением и в других языках: ср. английское *the clouds are drifting across the sky* 'облака плывут по небу'.

Общее значение перемещения по течению имеет селькупский *kūryqo*, используемый в контекстах типа 'по реке плывет бревно' (о его употреблении в зоне судов см. раздел 3.2.4), а также нганасанский *kud'ü-* — специализированный глагол пассивного плавания, который может применяться к мертвым животным, кускам дерева, лодке без человека и т. п.; использование *kud'ü-* при описании нахождения в воде в принципе возможно, но принимается далеко не всеми носителями. Как глагол пассивного дрейфа, близкий к общему пассивному глаголу движения и нахождения, можно квалифицировать и арабский *'a:ma* — при этом подвижность субъекта является характерным для него компонентом значения, отличающим его, в частности, от глагола всплытия и плавания на поверхности *Tafa:* (о котором см. ниже).

Чрезвычайно распространенной является связь пассивного перемещения по течению с течением самой воды: в целом ряде языков одна и та же лексема может иметь как значение 'плыть (по течению)', так и 'течь, литься'²⁴. В европейских языках примеры такого рода дают шведское *flyta* и датское *flyde*, итальянское *scorrere* или литовское *plaukti:* ср. примеры из последнего *Popierinis laiviūkštis... plaukia pasroviui* 'Бумажный кораблик плывет по течению' и *Nemunas plaukia į Marias* 'Неман течет в Куршский залив'.

Полисемия 'течь' ~ 'плыть' имеется и в ряде славянских языков — например, у *plynąć* в польском, *плыці / плыць* в белорусском или *плисти / пливти* в украинском; в последних двух случаях, однако, значение 'течь' в настоящее время можно расценить как устаревшее. Не исключено, что древнерусский глагол пассивного плавания и плавания судов *плѹти* также мог описывать течение воды [Макеева, Рахилина 2004].

Помимо перечисленных выше языков совмещение значений 'течь' и 'плыть по течению' присутствует у японского глагола *нагарэру*, китайского *liú*, у *bahnaa* в хинди и *bhasa* в бенгали, у персидского *šepāvar budan*, хакасского *азарга*, а также удмуртского *васькыны* с более общим значением 'спускаться'. Достаточно уникальные случаи представлены в таких двух далеких языках, как латынь и финский, в которых по несколько глаголов демонстрируют данную полисемию.

Так, в финском о течении воды можно сказать и *vesi ui* 'вода плывет (движется массой, например, при наводнении)' с основным глаголом плавания *uida*, и *vesi ajelehtii* 'вода течет (прибывает)' с глаголом *ajelehtia* 'плавать по воле волн или ветра, носиться, дрейфовать'; можно употребить и глаголы *solua / soljua* 'двигаться по течению; течь, струиться' и *lipua* 'скользить по поверхности', подчеркивающие медленность, плавность перемещения текущей жидкости. Этим способы описания течения воды не исчерпываются, однако имеется и ряд финских глаголов, которые описывают только плавание, но не течение воды. Что же касается латыни, то в ней все глаголы плавания (кроме *navigare*) фактически оказываются и глаголами течения воды: синонимичные *nare* и *natare* описывают активное и ненаправленное пассивное плавание — и вместе с тем водную среду без сильного течения; направленное пассивное пе-

²⁴ Соответствующий глагол может быть при этом как основным лексическим средством, описывающим течение воды (как в японском, хинди, итальянском или хакасском), так и второстепенным, при наличии специализированной лексики 'течь, литься' (как в литовском или польском).

ремещение описывается глаголом *defluere*, и он же характеризует текущие реки и стекающие потоки; *fluitare* описывает пассивное плавание на поверхности и несильное поверхностное волнение воды, и т. п.

Очевидно, что связь двух ситуаций — ‘течь’ и ‘плыть по течению’ — метонимическая: вода течет и течением перемещает предмет; следовательно, вода и предмет, который она перемещает, с семантической точки зрения связаны друг с другом: они заполняют узлы одного и того же фрейма. Таким образом, эти ситуации подпадают под очень распространенный случай метонимического расширения, при котором значение предиката (претерпевая небольшой семантический сдвиг) как бы переносится с одного участника обозначаемой им ситуации на другого, как в известном примере *пчелы кишат в саду ~ сад кишит пчелами* и под. (подробнее о теории метонимических переносов данного типа см., например, [Филлмор 1981; Levin 1993; Падучева 2004: 331]).

Интересно, что направление метонимического переноса, как кажется, может быть разным в разных языках: так, в японском или хинди основные значения соответствующего глагола касаются, скорее, движение воды (‘течь’ или ‘литься’), а не плавания по течению. Но есть системы — например, польская, — в которых основным значением глагола будет именно ‘плыть по течению’, тогда как значение ‘течь’ осмысляется носителями языка (и составителями словарей) как вторичное: польский глагол *płynąć*, имеющий полисемию ‘течь’ ~ ‘плыть’, практически всегда выражает лишь определенный тип перемещения жидкости — течение потока по руслу, служащему «ограничителем» этого потока и задающим направление движения; прототипическим «текущим» субъектом для него является река или ручей.

Именно глаголы, совмещающие в себе значения перемещения жидкости и перемещения субъекта по течению, обычно наиболее четко противопоставлены глаголам (неподвижного) нахождения в жидкой среде.

3.3.3. Нахождение в воде

Как мы уже говорили, особое место в рамках зоны пассивного плавания занимает состояние «почти покоя» — нахождения предмета на поверхности воды без заметного (или, по крайней мере, без направленного) перемещения: так плавают щепки от разбившейся лодки на морских волнах, островки тины в пруду, опавший лист в луже и т. п.

Подобная ситуация, занимающая крайне правый полюс на нашей шкале, специально кодируется лексически во многих языках, в том числе и упоминавшихся в предыдущем разделе: ср. такие типичные примеры, как *Rasva kelluu pinnalla* ‘Жир плавает на поверхности’ из финского, *Va verkösas dzövkjalö musip* ‘На поверхности воды плавает нефть’ из коми или *...varlės aukštyn pilvais plūduriuoja* ‘...и лягушки вверх животами плавают’ из литовского.

Семантически к подобным глаголам ближе всего глаголы ненаправленного перемещения: эта связь хорошо видна и на примере русского языка, в котором глагол *плавать* описывает как нахождение (ср. *в чашке с молоком плавал волос*), так и не-

направленное / неоднократное перемещение (ср. *по озеру плавали утки*). В предыдущем разделе мы уже рассматривали, в числе прочих, глаголы «ненаправленного дрейфа»: действительно, разница между ситуациями 'быть уносимым потоком' (когда субъект неконтролируемо перемещается в определенном направлении) и 'носиться по волнам в разные стороны' не так велика. Глаголы нахождения на поверхности от них существенно отличаются: их субъекты не только не движутся направленно, но и они вообще почти не движутся, или, по крайней мере, в центре внимания компонент перемещения не находится: фокусируется то, что субъект, обладая определенными физическими свойствами, не тонет и (более или менее спокойно) пребывает на поверхности воды.

В ряде языков основной (или один из основных) глагол пассивного плавания с такой семантикой возможен и при описании направленного перемещения; в последнем случае, однако, необходима контекстная поддержка. Так ведут себя многие «пассивные» глаголы европейских языков: английский *float*, нидерландский *drijven*, итальянские *galleggiare* и *fluttuare*, испанский *flotar*, португальский *flutuar*; ср., например, употребления французского *flotter* 'плыть, плавать' типа: *Le sac flotta doucement dans la rivière* 'Мешок медленно плыл по реке' или *La bouteille flottait en direction de la grotte* 'Бутылка плыла к гроту'. Вместе с тем глаголы наподобие *flotter* могут обозначать более широкий круг ситуаций, в том числе сравнительно неподвижное расположение субъекта или его ненаправленное и незначительное перемещение на поверхности; ср. *Le lis flotte sur la vague* 'Лилия плавает на волнах' или *Lorsque la baleine très affaiblie, flottait à la surface de l'eau...* 'Когда ослабевший кит плавал на поверхности воды...'. Можно считать, что подобные лексемы являются лексемами нахождения на воде по преимуществу, однако достаточно легко способны к «расширенному» использованию. Обратим внимание, что более прототипические глаголы нахождения не допускаются в направительных конструкциях и сочетаются исключительно с обстоятельствами статичного расположения (т. е. 'где', а не 'куда' или 'откуда'): ср., например, допустимое в иврите предложение *Gušey kerax cafu ba mayim* 'Куски льда плавали в воде' при сомнительном *Ha gviya cafa el ha xof* 'Труп плыл к берегу' с глаголом всплытия и нахождения на воде *caf*.

Наиболее близка к прототипу «нахождения в воде» группа глаголов, в которых реализуется важная для области плавания полисемия 'всплывать на поверхность' ~ 'находиться на поверхности воды'; в отличие от полисемии 'течь' ~ 'плыть', она имеет аспектуальную природу (плавание на поверхности является результатом всплытия) — подробнее см. первый раздел Приложения 1. В качестве типичных представителей такого совмещения значений могут быть названы: японская пара синонимов *уку / укабу*, глагол *utraanaa* (и отчасти *tairnaa*) в хинди, китайское *fú*, арабское *Tafa*: и *caf* в иврите, *fún* в языке манинка, *mengambang* и *terapung* (и некоторые малоупотребительные однокоренные лексемы) в индонезийском языке, карачаево-балкарское *къалкъаргъа*, грузинское *t'ivt'ivi* и его префиксальный производный *a-mo-t'ivt'ivi* и группа романских лексем, у которых компонент значения 'на поверхности' отражается непосредственно во внутренней форме, поскольку они восходят к сочетанию с приставкой 'над, сверху' — это французское *sur-nager* и испанское и португальское *sobrenadar*.

Как правило, именно такие лексемы используются и в контекстах, описывающих физическую способность предмета быть легче воды и не тонуть, ср. *xe c'q'alši t'ivt'ivebs* 'Дерево в воде плавает' из грузинского, *alma'a:dinu taghriqu wa alkhašabu taTfu:* 'Металл тонет, а дерево плавает' из арабского или *Mūtou néng fú-qǐlái ér tiě que xià-chén* 'Дерево плавает, а железо тонет' из китайского²⁵.

Еще одна особенность глаголов нахождения на поверхности состоит в том, что нередко они связаны деривационными отношениями с существительным, имеющим значение типа 'поплавок, буй, бакен'; направление деривации при этом может идти в обе стороны. Так, португальский глагол *boiar* и испанский *boyar* образованы от исходных существительных *bóia* и, соответственно, *boya* 'бакен, буй' (ср. французское *bouée* или английское *buoy*, восходящие в конечном итоге к германскому корню **baukan* 'знак, буй'). Литовский глагол *plūduriuoti* 'держаться на поверхности воды' также является отыменным образованием от *plūduras* 'буй' (имеющим тот же корень, что *plaukti* 'плыть, плавать'), а сербохорватский глагол *плутати* 'находиться в воде; не тонуть' связан с существительными *плут* 'пробковое дерево', *плута / плуто* 'кора пробкового дерева, пробка (материал)'. Редуцированная грузинская основа *t'ivt'iv-*, по всей видимости, производна от существительного *t'ivi* 'плот'; однокоренное же существительное *t'ivt'iva* имеет значение 'поплавок, буй'.

И наоборот, от китайского глагола всплытия и нахождения в воде *fú* образовано существительное *fú-zi* 'поплавок' (при помощи аффикса существительных), и аналогичные отглагольные образования имеются и в тех языках, где пассивный глагол обладает более широким значением — ср. английское *float* 'устройство, поддерживающее что-либо на плаву (поплавок, удочки, буй, плавательный пояс)', французское *flotteur*, испанское *flotador* или португальское *flutuador* 'поплавок, буй' или итальянское *galleggiante* 'поплавок, буй; плавучее средство; баржа'. Заметим, что то же значение «нетонущего предмета» может отмечаться и у глаголов с обобщенной семантикой, которые описывают в языке не только пассивное, но и активное плавание — так, немецкое *der Schwimmer* может означать не только пловца-человека, но и 'техническое устройство, плавающее на поверхности воды; поплавок'.

Несколько слов об аргументной структуре этих глаголов. Прототипическими с субъектами нахождения в воде являются, конечно, легкие предметы; если же речь идет о человеке или животном, то при использовании глагола «стативного плавания» такой субъект по умолчанию понимается скорее как мертвый. Однако в принципе глаголы нахождения на поверхности не обязательно ограничены неодушевленными (в т. ч. неживыми) субъектами — человек также может позволить себе «лечь на воду» и некоторое время находиться в таком состоянии, не делая резких движений. Ср., например, следующее предложение из хинди: *Vah tairte-tairte thak gayaa aur aaraam karne ke liye paanii par utraa rahaa hai* 'Он устал плавать и лежит на воде, отдыхая', в котором речь идет о контролируемом человеком плавании, когда активное перемещение по воде чередуется с пассивным (в начале примера употреблен редуцированный «активный» глагол *tairnaa*).

²⁵ В последнем случае использовано сочетание глагола *fú* 'всплывать, плавать' с пространственным модификатором *qǐ-lái* 'сюда вверх' (исходно сочетание глаголов 'подниматься' + 'приходить'). Заметим, что в ряде языков именно общие глаголы движения вверх и глаголы приближения к говорящему являются основными средствами при выражении всплытия (см. также ниже).

Теперь о семантике локативного аргумента. Ключевая для глаголов всплытия и нахождения в воде идея 'не тонуть, находиться в подвешенном состоянии' иногда позволяет использовать их и в том случае, если субъект находится не на поверхности, а в толще воды: ср. японский пример *Тисса-на гоми га суйтю: ни уймэ иру* 'В толще воды плавает мелкий мусор' с глаголом *уку*. Кроме того, глаголы пассивного нахождения в воде в ряде случаев могут совмещенно выражать и нахождение в воздухе «в подвешенном состоянии» (так сказать, «парение»), причем не всегда «воздушное» значение следует считать производным — по всей видимости, такие глаголы во многих случаях можно квалифицировать как «водно-воздушные», т. е. как «глаголы плавания» и «глаголы летания» одновременно (см. подробнее статью о метафорах плавания, раздел 2.6). Так, тот же японский глагол *уку* может быть использован и в контекстах типа: *Ранюта ттэ йу сора ни уймэ иру сима да ё* 'Это летающий в небе остров под названием Лапута', в котором, несмотря на то, что речь не идет о воде, также описывается спокойное пребывание субъекта в поддерживающей его среде. Ср. аналогичную пару из корейского языка: *Swupuey ppang cokaki tte issta* 'В супе плавает кусочек хлеба' и *Tokswulika hanuley tte issta* 'Орел парит в небе', в обеих фразах использован глагол *ttuta* в результативной форме ('всплыв / взлетев находится').

Особой ситуацией в рамках зоны нахождения в воде является плавание предмета в ограниченном пространстве с жидкостью: например, в тарелке, чашке или стакане и т. п. Приведенная выше корейская фраза, переводимая как 'в супе плавает кусочек хлеба', дает типичный пример употребления глагола всплытия и нахождения в воде в подобной ситуации; ср. также *Ha gezer caf ba marak* 'В супе плавает морковка' из иврита или чуть более экзотический индонезийский пример *la mengambang dalam air, "berenang" dengan memuntirkan tubuhnya* 'Он (плод во чреве) плавает в воде, плавает, свернувшись' — здесь первым использован глагол нахождения в воде, а в кавычки, как более необычный в подобной ситуации, взят глагол активного плавания *berenang*.

Во многих системах (например, в финской, тамильской, персидской, арабской, литовской и др.) для обозначения нахождения в ограниченном объеме используются не (или не только) специальные глаголы плавания, а бытийные предикаты²⁶. В русском такое тоже возможно: мы говорим и: *в кружке молока плавала пенка*, и: *в кружке молока была пенка*. В такого рода случаях — при конкуренции специального глагола с бытийным предикатом — могут возникать и любопытные дополнительные противопоставления.

Так, с «плаванием» в ограниченном пространстве может быть связана идея отрицательной оценки — оказывается, что, будучи описан бытийным глаго-

²⁶ По данным Д. А. Паперно, исследовавшего язык бен семьи манде (Западная Африка), в этом языке, представляющем бедную систему, нахождение на поверхности воды совмещено с глаголом со значением 'стоять (о предметах на поверхности)' — ср. контексты типа 'миска стоит на столе'. Заметим, что, согласно нашему материалу, в адыгских языках западно-кавказской семьи происходит такое же совмещение, но с другим позиционным глаголом — 'лежать'.

лом, предмет нередко воспринимается носителями как естественная часть жидкости, в которой он находится, а в предложениях с глаголом плавания он скорее концептуализуется как случайно попавший в эту жидкость, неуместный в ней. Именно так оценивают подобного типа ситуации, например, носители персидского языка: для них использование глагола пассивного плавания *šenāvar budan* в предложении типа *dar sup havij šenāvar ast* 'в супе плавает морковка' возможно, только если морковка попала в суп по ошибке, а в обычном рецепте супа не присутствует (чтобы описать морковку как один из необходимых ингредиентов супа, необходимо употребить просто глагол *budan* 'быть')²⁷.

В манинка конкуренция с бытийным глаголом касается значения 'нахождение на поверхности воды' как такового, независимо от степени ограниченности пространства: субъектом при пассивном глаголе *fún* не могут быть предметы, составляющие фактически единое целое с поверхностью воды (типа мазутного пятна), в таком случае должен быть употреблен бытийный глагол; при использовании же *fún* ситуация концептуализуется по-другому: ср. *Tá-jí-nóó` fún-nín jí` kàn* 'Мазут плавает по воде (толстым слоем, комками)'. Здесь мы, тем самым, видим по сути реализацию того же противопоставления, что и в персидском: часть среды описывается как «находящаяся» в ней, чуждое среде — как «плавающее», «болтающееся» в воде²⁸.

3.3.4. «Активные» глаголы в «пассивной» зоне

Мы уже говорили о том, что бывают «непрототипические» глаголы активного плавания, причем как с более узкой, так и с более широкой дистрибуцией (см. раздел 3.1 и, в частности, Схему 7). В этом разделе нас прежде всего будут интересовать глаголы с «расширенной» сочетаемостью, допустимые в пассивной зоне наряду с активной — это ситуация представлена на Схеме 11²⁹.

Схема 11

«Активные» глаголы с расширенной сочетаемостью

Активная зона	Зона судов	Пассивная зона

²⁷ Те же семантические эффекты иногда возникают и при использовании в зоне нахождения в воде глаголов активного плавания; это явление будет рассмотрено в следующем разделе.

²⁸ С другой стороны, в зоне нахождения в ограниченном объеме возможна и конкуренция не глагола плавания и бытийного глагола, а двух глаголов плавания — более узкого и более широкого по значению. Так, в хинди *utraanaa*, описывающий нахождение предметов на поверхности воды, неприменим к закрытым пространствам; в этом случае — по отношению к мелким субъектам в малом объеме жидкости — употребляется обобщенный глагол плавания *tairnaa*: ср. *duudh mE mevO ke TukRe tair / *utraa rahe the* 'В молоке плавали кусочки фруктов'.

²⁹ Обратим внимание, что обратная ситуация — когда пассивный глагол «захватывает» часть активной зоны — встречается гораздо реже, и то благодаря особому способу перемещения в воде некоторых животных (см. раздел 3.1).

Особый интерес эти глаголы представляют потому, что они демонстрируют нарушение так называемого «принципа смежности», который считается необходимым при построении семантических карт грамматических значений.

Замечание: о семантических картах

Под семантической картой обычно понимается графическое изображение возможностей совмещения и различения в системах разных языков типологически релевантных значений внутри определенной семантической зоны. Чем ближе эти значения друг другу, тем вероятнее, что в языковой системе они будут выражаться одной и той же языковой единицей — и тем ближе они должны оказаться пространственно на семантической карте. Это условие — базовое для семантической карты, и ему наша шкала активности / пассивности (Схема 1) довольно хорошо соответствует. Действительно, субъекты плавания намеренно расположены на ней таким образом, чтобы похожие типы плавания оказались рядом: водоплавающие птицы — рядом с судами, суда — с предметами, движущимися по течению, предметы, находящиеся на поверхности — рядом с предметами, находящимися в ограниченном пространстве и проч. Поэтому, как мы видели, в принципе, лексические системы плавания разных языков на такой карте вполне сопоставимы: описывая их графическими схемами, мы пользовались единым инвентарем.

Это тем более важно, что до сих пор семантические карты остаются сравнительно мало распространенным инструментом типологического описания и применялись пока только к грамматическим, но не лексическим значениям, ср. прежде всего семантическую карту перфектных значений в [Anderson 1982], карту модальных значений в [Auwera, Plungian 1998], а также карту медиальных значений в [Kemmer 1993]. Почти лексической можно считать зону неопределенных местоимений и кванторных слов, которые картированы в [Haspelmath 1997] и [Татевосов 2002] — и тем не менее, сами авторы представляют ее как квазиграмматическую — очевидно, оценивая дистанцию, отделяющую этот слой вспомогательной лексики, в большой степени регулярной в своих противопоставлениях, от обычных лексико-семантических полей. Вопрос о том, возможна ли полноценная семантическая карта для собственно лексических значений, таким образом, пока остается открытым³⁰.

Согласно принципу смежности, «любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же грамматическим средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними» [Татевосов 2002: 33]. Логическая природа этого принципа вполне обоснована, и в целом можно считать, что при картировании грамматических значений он соблюдается. Но если вернуться к лексике движения и нахождения в воде и предположить, что шкала активности соответствует семантической карте, мы легко обнаружим существенные нарушения. Действительно, раз активный глагол может «перепрыгивать» в пассивную зону, принцип смежности значений плавания на шкале не выдерживается. Ввиду важности этого заключения, мы хотели бы рассмотреть все такие случаи подробно, чтобы представить им объяснение.

Начнем с примеров того, когда бесспорно «активный» глагол, так сказать, «позволяет себе» выступать в весьма небольшой подзоне в рамках пассивного плавания — а именно при описании нахождения в закрытом объеме. Это явление харак-

³⁰ В качестве едва ли не уникального примера здесь можно указать на небольшую карту для значений 'дерево' ~ 'древесина' ~ 'дрова' ~ 'лес' (с примерами из нескольких европейских языков), приводимую в [Haspelmath 2003: 237].

терно, в частности, для французского *nager* и испанского *nadar*³¹, шведского *simma*, глаголов *уявны* и *плавайтны* в коми, лакского *гьузун* или индонезийского *berenang*. В европейских языках возможность использования «активного» глагола в данном контексте достаточно ограничена, в т. ч. стилистически; имеющиеся примеры типа французского *il y'a juste un seul cheveu qui nage dans la soupe* 'в супе плавает только один волос' или испанского *unas sopas de ajos, en que solía nadar tal cual garbanzo de la vispera* 'суп из чеснока, в котором обычно плавал какой-то вчерашний горох' достаточно малочисленны и маргинальны (цитируемый испанский пример взят из романа конца XIX в.). Аналогично индонезийское высказывание типа *Sayur kol berenang* 'Капуста плавает (в супе)' носит оттенок иронии и используется, чтобы подчеркнуть, что капусты в супе немного и кроме нее в нем ничего нет (об отрицательных коннотациях, связанных с употреблением глаголов плавания в зоне нахождения в закрытом объеме, см. также раздел 3.3.3).

В подобных случаях «активный» глагол маргинален, он входит в конкуренцию с пассивными либо бытийными глаголами; так, арабское *sabaħa* было признано некоторыми носителями возможным в контекстах с неодушевленным «притопленным» субъектом типа 'Под водой плавает большой кусок льда' или 'В супе плавает кусок хлеба', однако в качестве предпочтительного признавался выбор одного из двух глаголов пассивного плавания (либо бытийного предиката). Ср. также пример из шведского: *I halvdruckna coca-cola-flaskor simmar / flyter fimpär, tändstickor och tuggummipapper* 'В наполовину опустошенных бутылках с кока-колой плавают окурки, спички и обертки от жевательной резинки', в котором глагол *simma* синонимичен *flyta* (которому он в прочих употреблениях противопоставлен).

Есть, однако, и более интересные случаи. В языке коми употребление в пассивной зоне допускают целых два глагола активного ненаправленного плавания — *уявны* (итеративное производное от *уяны*) и *плавайтны* (заимствование из русского *плавать*): при этом *уявны* с неодушевленными субъектами обозначает именно неподвижное нахождение в жидкости, ср. *š'idin ujalä nah tar* 'В супе плавает кусочек хлеба', тогда как *плавайтны* допустим, напротив, лишь в случае, если субъект подвижен, ср. *titi plavajta ji* 'По озеру плавает лед'. Наряду с активным плаванием, пассивное нахождение в воде — на поверхности или в толще — описывает и единственный специальный глагол плавания в лакском языке *гьузун*: ср. *Бярах микI гьузуй бур* 'По озеру плавает лед' или *Накьливу кьурул касак гьузуй бур* 'В супе плавает кусочек морковки'; перемещение по течению, равно как и движение судов, передается в лакском общими глаголами движения.

Еще более расширенное использование глагола активного плавания, с «захватом» (части) пассивной зоны и (части) зоны судов, представлено, например, в хинди и удмуртском, а также хакасском языке.

В хинди глагол *tairnaa* описывает как активное плавание (любых типов субъектов), так и перемещение судов и людей на судах (наряду с общими глаголами дви-

³¹ Заметим, что агентивность практически полностью снимается у их приставочных производных *surnager* или, соответственно, *sobrenadar*, которые относятся к пассивным глаголам плавания (см. выше).

жения) и одновременно — пассивное плавание по поверхности; противопоставлен он прежде всего особому глаголу течения воды и перемещения по течению *bahnaa*, который и обеспечивает «разрыв» между значениями *tairnaa* на шкале. Между тем такой разрыв не случаен: он говорит о том, что лексическая система глаголов плавания, представленная в хинди, организована на базе других параметров: в ней противопоставлены не активное и пассивное плавание, а направленное плавание (по течению), совмещенное с течением воды, и любое другое. Понятно, что система хинди может служить основой для объяснения других — в частности, коми или лакской.

Чуть другая ситуация в латыни: в ней основные — и полностью синонимичные — глаголы *nare / natare* описывают все типы плавания, кроме пассивного перемещения по течению; в зоне судов имеется также специализированный глагол *navigare*, и помимо этого система «обогащается» за счет ряда лексем, описывающих разные типы движения воды и перемещения в ней — это *fluitare, fluctuare*, а также *defluere*, который занимает ту единственную нишу, которая недоступна *nare / natare* — направленное пассивное перемещение. Параллель с хинди является неполной, в частности, потому, что *nare / natare* не только противопоставлены глаголам течения воды, но и сами относятся к ним, поскольку допускают периферийные употребления при описании, например, волнения моря. В этом смысле «подоплека» семантического разрыва в значении латинских активных глаголов не так прозрачна, как в хинди.

Основной глагол плавания *уяны* в удмуртском языке обозначает, по мнению Н. В. Востриковой, некоторый «естественный для данного типа субъекта» способ перемещения или нахождения в воде: для живых существ это активное плавание, для предметов это нахождение на поверхности в относительном покое; описывать перемещение по течению этот глагол как таковой не может — в этих случаях он выступает в форме деепричастия в составе конструкции с общим глаголом типа 'идти', который и выражает движение; для судов предпочтительны общие глаголы движения. В целом сходна картина в хакасском языке: в нем основной глагол *чүзерге* тоже не может описывать движение по течению (здесь используется лексема *агарга* 'течь; плыть'), но соотносится и с активным плаванием, и с движением судов и на судах, и с нахождением на поверхности³². В общем, можно считать, что эти системы достаточно похожи на хинди, с точностью до способа выражения поступательного движения в воде: в хинди и хакасском это глагол течения, а в удмуртском — общий глагол; к проблеме описания таких систем мы еще вернемся в Заключении.

4. О «бедных» системах глаголов плавания

Изучение «бедных» систем представляет для лексической типологии интерес по нескольким причинам. Во-первых, зная, какие противопоставления в лексической

³² Заметим, что в хакасском тенденция к совмещенному выражению ненаправленного перемещения — как активного, так и пассивного — и неподвижного нахождения в воде также находит свое воплощение, однако не благодаря аффиксальному словообразованию (как в славянских или уральских языках), а благодаря наличию распространенного сочетания *чүс чөр-* 'плавать ходить' с глаголом *чөрерге* 'ходить, двигаться'.

области перемещения и нахождения в воде типологически достаточно распространены в языках мира, мы можем на примере «бедных» систем увидеть, как именно эти противопоставления могут «нейтрализовываться» в конкретном языке. Например, может быть дан ответ на вопрос, верно ли, что в «бедной» системе все ситуации, связанные с перемещением или нахождением воды, будут описываться одним-единственным глаголом (ответ на этот вопрос в общем случае является отрицательным). С другой стороны, на примере «бедных» систем можно определить, какие зоны в рамках данного семантического поля являются все же наиболее «устойчивыми» — что именно лексикализуется особым образом в системах, в которых не лексикализуется почти ничего? Наконец, «бедные» системы могут продемонстрировать и то, насколько релевантными для языка являются сами семантические параметры, выделяемые при типологическом исследовании: если для разных зон отсутствуют специализированные глаголы, то, возможно, они все равно противопоставляются, пусть и за счет более общих лексических средств?

Напомним, что «бедными» мы считаем прежде всего те системы, в которых имеется только один специальный глагол плавания (возможно, и сам являющийся периферийным). При этом, если системы глаголов плавания и признаются «бедными» для некоторых языков, это далеко не означает, что эти системы тождественны. «Бедные» системы могут быть так же не похожи друг на друга, как и «богатые». Но наиболее четко, по нашим данным, выделяются три типа таких систем — условно мы их можем назвать «системой с обобщенным глаголом плавания», «системой, основанной на словообразовательных противопоставлениях» и «системой с маргинальным статусом глаголов плавания».

Первый случай («системы с обобщенным глаголом плавания») в нашем материале представлен языками с единственным (и притом обобщенным) глаголом плавания — а именно турецким языком (*yüzmek*), а также рядом языков Кавказа — аварским (*лъедезе*), лакским (*гъузун*) и адыгскими (*есын / ерсын*). В турецком глагол *yüzmek* является главным лексическим средством описания плавания во всех зонах, хотя в ряде контекстов он конкурирует с общими лексемами — например, в зоне нахождения в воде используются также бытийный глагол *durmak* 'стоять, находиться' или связка *var* 'есть, имеется', а наиболее нейтральным средством описания перемещения судна или на судне являются базовые глаголы движения — *gitmek* 'идти, ехать (туда, от говорящего)', *gelmek* 'идти, ехать (сюда, к говорящему)' и т. п. Ситуация в кавказских языках сходна, хотя дистрибуция конкретно-языковых лексем может и различаться: например, глагол *есын / ерсын* в адыгейском и кабардино-черкесском и глагол *лъедезе* в аварском охватывают контексты активного плавания и перемещения на управляемых судах, а в лакском глагол *гъузун* описывает активное плавание и пассивное нахождение на поверхности. (Тем самым глагол плавания в «бедной» лакской системе демонстрирует тот же нестандартный с точки зрения шкалы активности / пассивности тип совмещения «активного» и «пассивного» значений, о котором шла речь в разделе 3.3.4.)

Заметим, что к системам этих языков достаточно близки и некоторые другие кавказские системы — например, в армянском и грузинском языках основной глагол плавания также является весьма обобщенным; важное отличие, однако, состоит в том, что в армянском в сис-

тему входят и специальные глаголы плавания судов и на судах (*navel / navarkel*), а в грузинском систему «расширяет» глагол плавания на поверхности (*t'ivi'ivi*).

В качестве своеобразного примера системы того же типа укажем на немецкий язык. На первый взгляд, характеристика немецкой системы глаголов плавания как «бедной» может показаться неожиданной: в статье О. Ю. Шеманаевой в настоящем сборнике рассматривается целых четыре глагола плавания — *schwimmen*, *treiben*, *driften* и *segeln*. Тем не менее своеобразие этой системы заключается в том, что основной глагол плавания — *schwimmen* — является «сверхобобщенным» и захватывает почти все пространство на шкале (он ограничен в употреблении в судовой зоне и не используется применительно к людям на судах); ср. Схему 12. Еще более широкое значение имеет финский глагол *uida*, допустимый во всех трех зонах плавания, хотя и конкурирующий в них с другими глаголами перемещения и нахождения в воде. Его итеративный производный *uiskennella* также описывает и ненаправленное активное плавание, и пассивное перемещение и нахождение на поверхности (или в толще), и даже движение мелких струек жидкости. Системы с такого рода обобщенным глаголом (в котором все семантические противопоставления внутри зон плавания «нейтрализуются»), но при этом с наличием более специфических лексем в одной или нескольких зонах, являются как бы «богатыми» и «бедными» одновременно: их бедность обеспечивается отсутствием противопоставлений у обобщенного глагола, а богатство — обилием у него многочисленных более «узких» конкурентов.

Схема 12

Немецкая система глаголов плавания

<i>schwimmen</i>				
<i>segeln</i> (и общие глаголы движения)				
<i>treiben</i>				
<i>driften</i>				

Для типологии систем плавания важно, что во всех рассмотренных случаях специальный глагол плавания, пусть даже очень обобщенный, обязательно обслуживает и зону активного плавания — при том, что, вообще говоря, могла бы реализоваться «бедная» система, в которой есть глагол пассивного плавания, а одушевленные субъекты и суда охватывались бы общими глаголами. Такой системы нам не встретилось, и с нашей точки зрения, не случайно: будучи антропоцентричной, языковая картина мира выделяет зону активного плавания, но не зону пассивного — другими словами, если необходимо выбрать между людьми и предметами, люди в воде будут «плавать», а предметы — «ходить» или «быть» (см. также ниже о системах со «слабой» лексикализацией активного плавания).

Другой случай «бедности» можно наблюдать в «системах, основанных на словообразовательных противопоставлениях»: в них область плавания также обслуживается единственным глагольным корнем, а «обогащение» системы происходит за счет словообразовательных средств. Очевидным примером

языка с «бедной» системой такого типа является русский: весь круг контекстов плавания охвачен в нем глаголом *плыть* и его моторно-кратным коррелятом *плавать*. Русская пара *плыть* / *плавать* применима и к людям, и к животным, и к рыбам, и к кораблям, и к сплавляемым бревнам. Это, однако, не значит, что в русской системе плавания нет никаких противопоставлений: просто русская система использует для этого не лексические, а морфосинтаксические средства (моторно-кратную vs. моторно-некратную лексему, конструкции с *по* и другими предлогами и проч.), а кроме того — как и другие языки, — общие глаголы движения и бытийные предикаты.

В принципе, соответствующие пары глаголов типа *плыть* / *плавать* являются основой систем плавания и других славянских языков (в т. ч. польского, сербохорватского, болгарского и македонского), а также, например, литовского языка. Эти системы, однако, далеко не тождественны. В частности, в них могут обнаруживаться новые или исчезать «традиционные» для языков с парой «глагол направленного vs. ненаправленного движения» параметры варьирования. Так, польский (о чем мы упоминали выше) применяет свой глагол однонаправленного плавания *płynąć* и к ситуации перемещения самого потока жидкости (течения), что в русском невозможно.

Отличается от русской и похожая на нее на первый взгляд литовская система с парой *plaukti* / *plaukioti* (реализующей близкое к русскому противопоставление по кратности и/или направленности): дело в том, что, вдобавок к противопоставлению между членами этой пары, литовский имеет в своей системе дополнительные — хотя и гораздо более редкие в употреблении — глаголы для обозначения неподвижного нахождения на поверхности воды *plaukyti* и *plūduriuoti*. Тем самым наибольшая «скуденность» и конкуренция глаголов плавания в литовском приходится на крайний правый конец шкалы, причем помимо глаголов плавания в эту подзону системы входит и глагол *būti* 'быть'.

Гораздо меньше возможностей предлагает система болгарского, где из пары *плува* / *плава* выбран один «главный» глагол — а именно глагол направленного перемещения *плува*. Именно он в современном болгарском языке охватывает все зоны на шкале плавания (по крайней мере у значительной части носителей); что же касается *плава*, то эта лексема у части носителей практически не используется либо сохраняется в некоторых узких зонах (обычно — перемещения судов или пассивного плавания). В каком-то смысле именно болгарский язык имеет «наибеднейшую» из представленных в нашем материале лексическую систему плавания с обобщенным глаголом³³.

Однако хотя в болгарском языке глагол плавания и является единственным, он широко употребим и относится к достаточно частотным языковым средствам. Иная ситуация в тех языках, в которых представлены, по нашей терминологии, «системы с маргинальным статусом глаголов плавания». Широко употребляемого глагола плавания в таких системах может и не быть — хотя бы потому,

³³ Словообразовательные производные (в частности, итеративные / фреквентативные) играют большую роль и в системах других языков — в частности, уральских; однако в последних наряду с глаголами, связанными словообразовательными отношениями, в систему входят и (многие) другие лексемы, поэтому славянская ситуация оказывается все же уникальной.

что плавание в воде (прежде всего человека или судна) просто не относится у носителей данного языка к распространенному виду деятельности.

Мы уже не раз говорили о том, что плавать не принято у северных народов — например, у нганасанов; однако нганасанскую систему трудно назвать «бедной»: в ней есть и особый глагол пассивного плавания, и глагол перемещения на традиционной лодке, по-разному кодируется плавание людей и животных — как видим, одних культурных ограничений недостаточно, а географические, видимо, должны быть более жесткими. Другим типом местности, в которой плавание по-настоящему затруднено, если не невозможно, являются горы, и в нашем материале системы с наиболее маргинальным статусом глаголов плавания отмечены именно в некоторых горских языках Кавказа.

Так, в ряде языков нахско-дагестанской семьи единственным основным глаголом плавания является «активный» глагол, описывающий контролируемое перемещение одушевленного субъекта; все прочие зоны покрываются лексемами с общим значением (таким как 'идти', 'приходить', 'выходить', 'быть, находиться' и проч.). Такой глагол плавания зачастую является малоупотребительным; кроме того, он обычно прозрачен по внутренней форме и либо представляет собой «описательное» сочетание имени и глагола — типа 'воду делать', 'волну делать / бить', 'реку / воду вынимать' или 'плавание делать', либо имеет заимствованную основу (иногда это глагольно-именное сочетание с заимствованным словом). Тем самым глаголы плавания дагестанских языков представляют ситуацию плавания предельно конкретно, как определенный вид активной деятельности, происходящей в воде; метафорические употребления таким глаголам, как правило, не свойственны.

И снова обратим внимание на антропоцентричность приоритетов системы плавания: даже и в случае крайней «бедности» системы, язык находит средства, чтобы выделить активное плавание в особую зону.

5. Заключение

В этом, заключительном, разделе мы обсудим основные стратегии организации систем глаголов плавания в языках мира и перечислим выделенные нами параметры варьирования в этих системах.

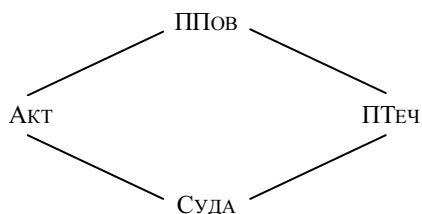
О системах

Подводя итог, можно сказать, что рассмотренные здесь языки при лексикализации значений, отражающих движение и нахождение в воде, реализуют две стратегии. Первая связана с достаточно универсальным для естественного языка в целом противопоставлением плавания по степени активности; ее придерживается большинство наших языков — и «бедных», и «средних», и «богатых», поэтому шкала активности стала для нас своеобразной моделью описания. Крайние точки этой шкалы представлены, на одном полюсе, активным поведением в воде (контролируемым, связанным с физическими движениями) и, на другом полюсе, полностью пас-

сивным нахождением на поверхности. Остальные типы поведения (движение отдельных выделенных групп субъектов, движение судов, движение по течению и др.) считаются при такой стратегии «промежуточными» случаями, которые либо имеют самостоятельное кодирование, либо лексически совмещаются с одним из полюсов, не нарушая непрерывности шкалы.

Однако есть языки, для которых эта модель не подходит, потому что они выбирают иную стратегию, связанную прежде всего с противопоставлением движения за счет течения другим способам поведения в воде. Это значит, что полюса, противопоставленные на шкале активности, в них оказываются, наоборот, совмещены в одной лексеме (обозначающей как активное, так и пассивное плавание). Такая схема, как мы видели, представлена в значительно меньшем числе языков, но тоже и в «средних» системах (ср. хинди), и в «бедных» (ср. лакский), и в «богатых» (ср. французский). Именно в этом случае оказываются пренебрежимо малы различия между плаванием человека и морковки в супе.

Переводя сказанное на более формальный язык семантических карт, можно предложить следующую общую для обеих стратегий схему, геометрически иллюстрирующую принципиальные возможности совмещения значений плавания в языках мира (где АКТ — активное плавание, СУДА — плавание судов, ПТЕЧ — плавание по течению, ППОВ — пассивное плавание на поверхности):

Легко видеть, что такая карта «развертывается» либо в шкалу активности:

АКТ — СУДА — ПТЕЧ — ППОВ,

разные варианты воплощения которой мы подробно рассматривали, либо в схему, иллюстрирующую вторую стратегию

[СУДА] — АКТ — ППОВ — ПТЕЧ — [СУДА];

в последнем случае «независимым» остается плавание судов: оно может лексически совмещаться как с полюсом АКТ-ППОВ (случай хинди), может кодироваться самостоятельно (в т. ч. общими глаголами движения, как в удмуртском, хакасском), а может (теоретически) совмещаться с движением по течению, хотя такие случаи нам и не встретились.

О параметрах

Исследованный нами материал позволяет выделить следующие семантические параметры как наиболее релевантные для способа движения и нахождения в воде.

Параметры активного плавания:

- умение (активно) плавать;
- активное плавание человека (в определенном направлении / без определенного направления);
- активное плавание человека (с определенной целью / без определенной цели, для развлечения);
- плавание «водных» животных (мелких / крупных) — рыб, дельфинов, китов, крокодилов, бегемотов и проч.;
- плавание водоплавающих птиц — лебедей, уток и проч.;
- плавание «сухопутных» животных — собак, лошадей и проч.;
- плавание человека / животных под водой.

Параметры плавания судов и людей на судах:

- управляемое перемещение судна (по определенному маршруту / без определенного маршрута);
- перемещение человека («капитана») на управляемом им судне с приложением физической активности (например, при гребле);
- перемещение человека («капитана») на управляемом судне (без приложения физической активности);
- перемещение человека («пассажира») на управляемом судне;
- перемещение судов / на судах различных типов (парусных, весельных, моторных и проч.);
- перемещение судов / на судах по водоемам различных типов (морям, океанам, рекам, озерам и проч.);
- перемещение судов / на судах по течению («спуск»);
- перемещение судов / на судах против течения («подъем»);
- неуправляемый «дрейф» судна («парусника со сломанной мачтой») / человека на таком судне.

Параметры пассивного плавания:

- перемещение по течению (легкого / притопленного субъекта);
- ненаправленное движение на поверхности (в разные стороны);
- всплытие предмета на поверхность;
- нахождение на поверхности без заметного движения;
- «покачивание на волнах» на поверхности (волнообразные движения вверх / вниз);
- нахождение в закрытом объеме (стакане, тарелке, бутылке и проч.);
- способность (легкого) предмета не тонуть, оставаясь на поверхности;
- течение самого потока жидкости.

Обратим внимание, что параметры варьирования, применимые при типологическом описании лексики, как мы наблюдаем на примере поля плавания, представляют собой достаточно сложные фреймы (см. подробнее также статью «О лексико-семантической типологии» в наст. сб.), которые всегда могут подвергнуться дополнительной концептуализации. В строгом смысле слова, лингвисты не могут поручиться, что, переходя от языка к языку, они говорят об одном и том же параметре: в ти-

пологических исследованиях здесь приходится идти на огрубления и допущения. В то же время, дополнительный семантический потенциал, заложенный в каждом лексическом параметре варьирования, может породить дополнительную — или даже другую — систему противопоставлений. В этом — сложность задачи лексической типологии. Но, одновременно, и привлекательность.

О перспективах

Выборка языков, представленных в нашем сборнике, велика в том отношении, что потребовала от нас огромного объема работы по лексико-семантическому анализу, но ничтожна по сравнению с общим количеством языков мира. Естествен вопрос, насколько адекватно наши системы и параметры отражают возможности человеческого языка вообще — в зоне движения и нахождения в воде. Понятно, что здесь можно лишь строить предположения о том, насколько параметры и системы, описанные здесь, будут применимы к неизвестному нам языку.

В принципе, возможности «средних» и «бедных» систем, как кажется, описаны достаточно детально и системы этого рода, по нашему предположению, будут воспроизводиться во многих языках мира. Как мы уже говорили, нам не встретилось языка без специального глагола плавания — мы допускаем, что такие языки могут обнаружиться прежде всего в тех ареалах, где нет полноценных водоемов: в районах пустынь и гор.

Другой вопрос — о пределах «богатства» систем и о тех фрагментах нашей шкалы, в которые с увеличением выборки будут добавляться новые и новые параметры. Наша гипотеза состоит в том, что дополнительное разнообразие будет касаться в первую очередь «судовой» зоны, которая связана с (возможно, непредсказуемыми с точки зрения европейской культуры) артефактами плавания — ср., например, наполненные воздухом кожаные бурдюки или глиняные кувшины специальной формы, которые использовались в Южной Индии в качестве вспомогательных плавательных средств [Hornell 1942]. Вероятно и выделение особых параметров для неизвестных нам культурно значимых животных, но в целом членение зон, связанных с «природными объектами», пока кажется нам более или менее универсальным³⁴. Если наше предположение верно, то противопоставление артефактов и природных объектов играет существенную роль для принципов построения лексической типологии в целом: тогда чем меньше артефактов задействовано в ситуации, лексическое выражение которой исследуется, тем легче она поддается типологическому описанию и в тем большей степени такое описание будет отражать собственно семантические, а не энциклопедические факты³⁵.

³⁴ Впрочем, и здесь надо учитывать теоретическую возможность участия артефактов — например, в «природной» ситуации активного плавания. Засвидетельствовано, например, что североамериканские индейцы использовали специальные дощечки овальной формы — «плавательные гребки» — в качестве приспособлений, помогающих плохо плавающему человеку «по-собачьи» переплыть быстрый поток [Speck 1937].

³⁵ Отсюда следует, в частности, что каузативные глаголы обработки (типа 'разрезать') — о некоторых подходах к построению их типологии см. работы группы психолингвистов Ин-

Приложение 1. Плавание, всплытие и погружение

И люди, и животные, и корабли, и бревна плывут по воде горизонтально — они погружены в воду лишь частично и перемещаются, не утрачивая контакта с поверхностью. Сейчас же мы обратимся к другому типу перемещения в воде, а именно «вертикальному» плаванию — оно может быть двух типов: либо это перемещение со дна водоема на поверхность (всплытие), либо это перемещение с поверхности на дно (погружение). В целом области «горизонтального» и «вертикального» плавания достаточно независимы и обычно не пересекаются в рамках единой системы, так что специальное исследование соответствующих лексических средств не входило в нашу задачу и материал по «вертикальному» плаванию представлен не во всех статьях (а в тех, в которых представлен, он дан уменьшенным кеглем). Тем не менее некоторые точки пересечения обнаруживаются даже и по имеющимся данным; кроме того, представляют интерес и дополнительные противопоставления в зонах всплытия и погружения.

1. Всплытие и нахождение на поверхности

В разделе 3.3.3 мы уже упоминали о распространенной в языках мира полисемии ‘всплывать на поверхность’ ~ ‘находиться на поверхности воды’; именно глаголы, демонстрирующие такую полисемию, могут считаться наиболее «прототипическими» лексемами, занимающими крайне правую область на шкале активного / пассивного плавания³⁶.

Совмещение значений всплытия и нахождения на воде иллюстрируется такими примерами, как *Cumai ga kaitэй кара суймэн ни уйтa* ‘Труп всплыл со дна моря на поверхность’ и *Tuisa-на гоми га суйтjо: ни уйтэ упу* ‘В толще воды плавает мелкий мусор’ с японским глаголом *уку*, или *Chimmolhan payka ttessta* ‘Затонувшее судно всплыло’ и *MwulKentuli mwul wiey tte issa* ‘Вещи плавают в воде’ с корейским глаголом *ttuta*, или *Ёлюк балыкь башына кьалкьды* ‘Снулая рыба всплыла на поверхность’ и *Шорпаны джауу башына кьалкьаб турады* ‘Жир плавает на поверхности супа’ с карачаево-балкарским *кьалкьаргьа*. Во всех этих случаях динамическое значение всплытия выражается простой формой глагола (со значением прошедшего времени), тогда как нахождение на поверхности передается аналитической формой с результирующим значением типа ‘всплыв есть / находится’. Такое распределение значений по грамматическим формам глагола неудивительно: действительно, результатом всплытия является нахождение субъекта на поверхности воды; в терминах работы [Недялков (ред.) 1983], форма со значением ‘находиться на воде’ является субъектным результирующим от глагола ‘всплывать’. Таким образом, как и в случае с ‘течь (о воде)’ ~ ‘плыть по течению’, полисемия ‘всплывать’ ~ ‘плавать на поверхности’ имеет метонимическую природу (см. разделы 3.3.2 и 3.3.3).

В языках с распространенным использованием сериальных конструкций (в т.ч. таких сочетаний глаголов движения, когда первый глагол указывает на способ, а второй — на мар-

---

ститута им. Макса Планка в Нидерландах [Bowerman et al. 2004] и др. — представляют сверхсложную в типологическом отношении область, потому что имеют целых два обязательных аргумента, способных заполняться артефактами, — объект ‘что режут’ и инструмент ‘чем режут’.

³⁶ Обратим внимание, что в некоторых языках такие глаголы могут совмещенно выражать еще и взлетание, или «воспарение», т. е. описывать наравне с перемещением в воде перемещение в воздухе. Такое совмещение присутствует, в частности, в японском и корейском, ср. следующую пару корейских примеров: *Camsuhami ttunta* ‘Подводная лодка всплывает’ и *Pihayngkika ttunta* ‘Самолет взлетает’.

шрут перемещения) всплытие обычно описывается при участии общих глаголов типа 'подниматься', 'приходить', а иногда обоих вместе: ср. *Синда сакана га укандэ кума* 'Всплыла (= всплыв пришла) дохлая рыба' из японского, ...*binoyer las tin din por bhese uTheche* '...труп Биноя всплыл (= плывя поднялся) через три дня' из бенгали или *Pata mithpatakeyse camswuhami tte olla wassta* 'Со дна моря всплыла (= всплыв поднявшись пришла) подводная лодка' из корейского. В языках с продуктивными направительными морфемами типа аффиксов или наречных частиц в аналогичной функции используются показатели со значением 'вверх': ср. русское *всплывать*, английское *float up*, древнегреческое *ἀνα-πλέω* и *ἀνα-νέω* или грузинское *a-mo-t'ivi'ivi* (со сложной приставкой *a-mo-* 'сюда вверх'). Примерами могут служить английское ...*the minute larvae float up to the more surface waters with the onset of summer* '...мельчайшие личинки в наступлением лета всплывают в более верхние слои воды' или шведское *Alla fiskar i närheten dog och flöt upp till ytan* 'Вся рыба поблизости погибла и всплыла на поверхность' с глаголами пассивного плавания.

Процесс всплытия не обязательно является пассивным (даже при использовании «пассивного» глагола), речь может идти и о контролируемом подъеме на поверхность: ср., например, *taTfu alghawwa: Satu* 'Подводная лодка всплывает' из арабского или *Bānbà bādà à tūmīn jiá kóds kà à fún jiá kàn* 'Крокодил нырнул и вынырнул' из манинка. При этом активное всплытие также может описываться одними общими глаголами движения: ср. *ar ek miniT por uThe elo* '(Мальчик нырнул) и через минуту всплыл (= поднявшись пришел)' из бенгали, *O submarino veio a superfície* 'Подводная лодка **всплыла** на поверхность' из португальского (с глаголом *vir* 'приходить') или предложение *Суу тюбюнде джюзген кеме суу башына чыкьды* с тем же значением, но с глаголом *чыгьаргьа* 'выходить' из карачаево-балкарского.

Интересно, что в арабском по крайней мере часть носителей предпочитает при описании активного всплытия общий глагол *zayara* 'появляться', а в нганасанском о появлении субъекта на поверхности воды (в контекстах типа 'Дохлая рыба всплыла на поверхность воды' или 'Мясо закипает и всплывает наверх') говорят 'стать видным' или 'подниматься вверх'. Близкая ситуация и в селькупском языке, где глаголы всплытия производны от *qoqo* 'найти, увидеть' и *qontyqo* 'видеть, находить' — значение 'вынырнуть, всплыть' развилось у них из значения 'появиться, показаться, стать видным'. Данный путь семантического развития вполне понятен, однако интересно и то, что глаголы всплытия, в свою очередь, являются частотными средствами выражения ситуации 'стать видным, показаться в поле зрения наблюдателя' (ср. русское *Над горизонтом всплыло солнце* или *Всплыли все его темные делишки*); подробнее о метафорах всплытия см. также раздел 2.14 в статье о метафорах глаголов плавания.

2. Погружение, ныряние и подводное плавание

Прежде всего обратим внимание, что при кажущейся симметричности ситуаций вертикального движения в воде (вверх и вниз) статус движения вверх в лексических системах другой, чем у движения вниз: если движение вверх, невидимое глазу и воспринимаемое только через результат (всплытие), легко инкорпорируется в систему горизонтального плавания, то глаголы погружения практически никогда (о немногих исключениях см. ниже) не совпадают лексически с какими-либо из группы горизонтального плавания. Глаголы этой группы имеют совершенно другую семантическую природу и демонстрируют (в отличие от обычно «несамостоятельных», совмещенных с другими значениями глаголов всплытия) довольно интересную систему противопоставлений.

Наиболее релевантными, по нашим наблюдениям, параметрами в этой зоне являются контролируемость vs. неконтролируемость и, в рамках неконтролируемого погружения, погружение одушевленного vs. неодушевленного субъекта. Контролируемое погружение в воду — это прежде всего ныряние (людей или животных), а

также погружение подводных транспортных средств, управляемых человеком. Неконтролируемое погружение — это, условно говоря, «утопание», оно существенно различается для одушевленных существ (к которым, как обычно, примыкают суда) и предметов: если последние просто погружаются на дно, то первые к тому же гибнут. В частности, в русском языке *тонуть* описывает только неконтролируемое погружение, причем в первую очередь живых существ, но также и кораблей³⁷; про управляемое движение вниз (подводной лодки или аквалангиста) говорят: *погружаться*, а про неконтролируемое движение предмета скорее — *идти ко дну* (к неуправляемым судам это выражение тоже применимо).

Основное троичное противопоставление глаголов движения в воде сверху вниз схематически изображено в Таблице 1, где приводятся также примеры конкретно-языковых глаголов, соответствующих тем или иным участкам «шкалы» (о «шкале» в данном случае можно говорить, как и в случае со «шкалой активного / пассивного плавания», в связи с убыванием агентивности слева направо).

Таблица 1

Погружение в воду: основные противопоставления

Языки	Контролируемое: 'нырять'	Неконтролируемое: 'тонуть (и гибнуть)'	Неконтролируемое: 'погружаться'
шведский	<i>dyka</i> (в т. ч. о судах)	<i>drunkna</i>	<i>sjunka</i>
финский	<i>sukeltaa</i>	<i>hukkua</i>	<i>upota</i>
японский	<i>могуру</i>	<i>оборэру</i>	<i>сидзуму</i>
китайский	<i>qián-shuǐ</i> (в т. ч. о судах)	<i>mò-dìng, yān-mò,</i> <i>yān-sǐ, nì-sǐ, nì-shuǐ</i>	<i>chén, xià-chén,</i> <i>chén-mò</i>
иврит	<i>calal</i>	<i>tava</i> (в т. ч. о судах)	<i>šaka calal</i>
нганасанский	<i>hot-</i>	<i>hot- sǐǎ-</i>	<i>sǐǎ-</i>
бенгали	<i>Dub deuwa</i>	<i>Duba</i>	<i>Duba</i>

Среди рассмотренных языков глагол со значением 'нырять, погружаться активно' отмечается, в частности, в японском и китайском языках — это, соответственно, *могуру* и *qián-shuǐ* 'нырять' (китайский глагол состоит из компонентов «скрыться, влезть + вода»); ср. *Уми ни могуру* 'Нырять в море' или *Yóuyǒng-zhe shēnshēn de qián rù shuǐ zhōng* 'Пловец нырнул очень глубоко'. При этом в китайском та же лексема используется и в названии судна, которое самостоятельно погружается на дно и плавает под водой — *qiánshuǐ-tǐng* (= «нырять + лодка, катер»).

Шведский глагол *dyka* 'нырять' также употребляется, как правило, применительно к живым существам, хотя субъектами при нем могут быть и суда, чаще всего подводные лодки, ср. *Ubåten dök...* 'Подводная лодка нырнула (и вскоре капитан вывел ее в выгодную позицию)'. Финское 'нырять' — это *sukeltaa*, ср. *sukeltaa altaaseen* 'нырнуть в бассейн', *sukeltaa sillan alle* 'нырнуть под мост'.

Во всех упомянутых языках имеются и лексемы, описывающая «упаание» живого существа: в японском это *оборэру*, ср. *Оборэтэ иру ко о сукку* 'Спасти тонущего ребенка',

³⁷ При этом выбор глагола приставочного коррелята противопоставляет живых существ (о которых говорят *утонул*) судам, объединяемым в данном случае с предметами (о них скажут скорее *затонул* или *потонул*). Промежуточное положение судов — которые могут погнубить в пучине, подобно людям, а могут просто пойти на дно, как камень, — заметно и по распределению глаголов погружения в различных языках, см. Таблицу 1.

в китайском это целая группа слов — *mò-dīng* «погрузиться + толкать», *yān-sǐ* «залить, затопить + умереть» или *yān-mò* «залить, затопить + погрузиться», *nì-sǐ* «тонуть + умереть», *nì-shuǐ* «тонуть + вода», ср. *Tā jiùqǐ yī ge nì-shuǐ de rén* 'Он спас тонувшего человека'. (Как видим, во внутренней форме глаголов со значением 'тонуть' компонент 'умирать' может присутствовать непосредственно.)

В шведском «утопание» живого существа описывается глаголом *drunkna*, в финском — *hukkua* 'утонуть' (последний по происхождению, по-видимому, связан с *hukata* 'терять'). Глагол *tava* 'тонуть' в иврите также имеет ограничения на тип субъекта — им может быть только одушевленное существо либо судно, но не какой-либо предмет: ср. *Ha yeled tava* 'Мальчик утонул', *Ha sfina tav'a* 'Судно затонуло', но **Ha even tav'a* 'Камень утонул', *Ha bakbuk tava 'Бутылка утонула'.

Погружение в воду предмета описывается в иврите другим глаголом — *šaka*, ср. *Ha even šak'a ba mayim* 'Камень пошел ко дну', букв.: 'утонул в воде' (имеется и более общая по значению лексема *calal*, см. ниже). Глаголы аналогичной семантики представлены и во многих других языках — ср. японское *сидзуму* или китайское *chén* и его производные *xià-chén* «двигаться вниз + тонуть», *chén-mò* «тонуть + погружаться»; в обоих языках глаголы могут быть использованы, в частности, при описании свойства неодушевленного субъекта не удерживаться на воде: ср. *Tězū va мидзу ни сидзуму га, ки ва сидзуманай* 'Железо тонет в воде, а дерево — не тонет' или *Mùtóu zài shuǐ lǐ bù chén* 'Дерево не тонет в воде'.

В шведском глаголом неконтролируемого погружения предметов является *sjunka*; хотя он и может сочетаться с одушевленными субъектами, но в отличие от *drunkna* делает акцент на собственно погружение, а не на его летальные последствия для субъекта. Близкий по значению глагол в финском — *upota* 'погрязнуть, погрузиться'.

В некоторых языках глаголы погружения имеют более обобщенную семантику. Так, наряду с уже упомянутыми *tava* и *šaka* в иврите имеется лексема *calal*, которая, с одной стороны, описывает ныряние, а с другой, погружение предмета в воду (выступая во втором случае как синоним *šaka*), ср. *Ha yeled calal ba yam* 'Мальчик нырнул в море' и *Ha even calela ba mayim* 'Камень утонул в воде'. Глагол *Duba* в бенгали также может описывать и контролируемое погружение в жидкость (преимущественно водных животных), и погружение предмета: ср. *machTi joler tolay Dube jacche* 'Рыба плавает (= утопая приходит) ко дну' или *amar phela pathor Dube gelo* 'Брошенный мной камень сразу утонул (= утопая ушел)'; при этом основа того же глагола входит в сочетание *Dub deuwa* 'нырять', букв. «ныряние давать».

Арабский глагол *ghariqa* 'тонуть' (как и русское *тонуть*) применим и к одушевленным существам, и к кораблям, и к предметам и обозначает неконтролируемое погружение в воду в целом. К нему близок по значению и нганасанский *sjə-*, который используется и в контекстах типа 'Я чуть не утонул' и 'Камень, который я бросил, сразу утонул'. При этом более многозначный нганасанский глагол *hot-* означает 'нырять' и 'тонуть (о человеке)'; ср. *Nanuəḏə / kolj hodʔə* 'Утка / рыба нырнула' или *Нодʔидə ibahu* '«Как он умер?» Говорят, утонул'³⁸. Заметим, что в манинка смысл 'тонуть (о человеке или предмете)' передается глаголом *túnún*, исходное значение которого — 'исчезать', причем этот же глагол в рефлексивной форме означает 'нырять'.

В качестве глаголов погружения используются и неспециализированные средства. Так, в том же языке манинка для описания перемещения в воде вниз может быть употреблен и просто глагол *jii* 'опускаться', ср. *Kúlún` jii-rà jí` kóró.* 'Лодка затонула (= опустилась)', а один из способов выражения идеи 'утонуть (о живом существе)' — соче-

³⁸ Учитывая тот факт, что производный фреквентатив от корня *hot-* используется для описания активного плавания человека, оказывается, что один и тот же глагольный корень выражает в нганасанском как «утопание», так и его противоположность — способность активного перемещения по воде.

тание *tó jí` rǒ`* 'остаться в воде'. В селькупском языке, несмотря на наличие глагола *qoptuqo* 'утонуть', носители также предпочитают более «буквальные» способы выражения этого значения — 'уходить в воду' для предметов и 'умирать в воду' для живых существ, ср. *tajyt qolĩõqyt üttý qüsa nǎkyr qup* 'Летом в реке утонуло (= «в воду умерли») три человека'. Аналогично ситуация 'тонуть' передается в агульском языке — при помощи сочетания 'попасть внутрь' (о предмете) или 'попав внутрь, умереть' (о живом существе).

В связи с обсуждавшейся выше полисемией 'всплывать на поверхность' ~ 'находиться на поверхности воды' может возникнуть вопрос, нет ли в зоне погружения совмещения «обратных» значений типа 'погружаться' ~ 'плавать под водой'³⁹. Такая полисемия, действительно, встречается, хотя она и не полностью симметрична типу 'всплывать' ~ 'плавать на воде': дело в том, что всплыть и находиться после этого на поверхности может любой субъект, в т. ч. неодушевленный, обладающий определенными физическими свойствами (быть легче воды). Однако погрузиться и плавать под водой (а не пойти тут же ко дну) может лишь субъект одушевленный — причем хорошо плавающий — либо, в качестве более маргинального случая, подводный плавательный аппарат. Поэтому связь между погружением и плаванием проходит «по ведомству» активного, а не пассивного (как в случае со всплытием) перемещения в воде.

В качестве достаточно экзотического примера здесь можно упомянуть индонезийский глагол *menyelam* 'плавать под водой', включаемый в число глаголов активного плавания. Глагол этот образован посредством предикативного префикса *meN-* от корня *selam*, связанного с подводной средой, и может описывать, во-первых, ныряние, а во-вторых, просто плавание под водой — в т. ч. и «горизонтальное»; ср. *Penyu Hijau dapat menyelam selama 5 jam* 'Зеленая черепаха может плыть под водой до 5 часов'. Использование данного глагола ограничено одушевленными субъектами и подводными судами.

Сходным образом ведут себя и глаголы ныряния некоторых европейских языков. Так, в финском можно употребить *sukeltaa* и в контекстах типа *sukeltaa altaan päästä päähän* 'нырять в бассейн из конца в конец' (имеется в виду, что человек проплыл от одного края бассейна до другого под водой); ср. также *Joka neljäs vauva sukeltaa* 'Каждый четвертый младенец плавает под водой', в котором речь идет о самой способности (человека) к подводному плаванию. Не ограничено «вертикальным» перемещением использование немецкого *tauchen* 'нырять, окунается; погружаться' — он возможен и в контекстах, аналогичных финским, — ср. *er tauchte 25 Meter* 'он проплыл под водой 25 метров (нырнул и вынырнул через 25 метров)' или *am Grunde des Schwimmbeckens entlang tauchen* 'нырнуть и проплыть до дна бассейна'. О человеке можно сказать *er taucht gern*, букв. «он любит нырять», в смысле 'он любит заниматься подводным плаванием'; ср. также пример из словаря *er kann lange tauchen* 'он может долго оставаться под водой (при нырянии)', букв. «он может долго нырять / погружаться» [Москальская (ред.) 1997]⁴⁰.

И еще один, исторический, пример связи ныряния с активным плаванием — правда, уже не под водой, а лишь с частичным погружением (так, как обычно и плавает человек), — дают древнегреческий и нгасанский языки. Как уже неоднократно говорилось, редкая для нгасанов ситуация плавания человека буквально описывается как 'поныривать, нырять и выныривать' (фреквентатив от 'нырять'). Параллельный случай мы имеем и в истории греческого языка, где глагол *κοιλιβάω*, описывающий в классический период ныряние и погружение, со временем приходит на смену глаголу активного плавания *ἕω*; в результате в новогрече-

³⁹ Строго говоря, результатом погружения в воду является скорее нахождение предмета на дне, однако значение 'лежать на дне' для нашей работы интереса не представляет, поскольку не относится к области плавания.

⁴⁰ За обсуждение немецкого глагола *tauchen* мы благодарим Елену Филимонову и Норберта Брауншвейлера, а также Д. О. Добровольского.

ском языке основными глаголами плавания стали $\kappa\omicron\lambda\upsilon\beta\acute{\alpha}\omega$ / $\kappa\omicron\lambda\upsilon\mu\acute{\iota}\omega$ и $\pi\lambda\acute{\epsilon}\omega$, который сохранился в данной лексической подсистеме на протяжении тысячелетий. При этом $\kappa\omicron\lambda\upsilon\beta\acute{\alpha}\omega$ / $\kappa\omicron\lambda\upsilon\mu\acute{\iota}\omega$ описывает прежде всего передвижение по поверхности воды человека и неморских животных, а также плавание птиц и рыб в том случае, когда акцент делается на работу частей тела (лапок и плавников).

Приложение 2. Вопросник к описанию глаголов плавания в языках мира

1. Активное плавание

Есть ли специальный глагол, который описывает активное плавание в воде **человека**? (Ср. *Мальчик плывет к берегу. Я хорошо умею плавать. Я не умею плавать.*)

Используется ли этот глагол и при описании активного плавания в воде **животных**? Любые ли животные могут сочетаться с данным глаголом — например, звери типа собак или лошадей, водоплавающие птицы типа лебедей или уток, водные животные типа дельфинов или китов, рыбы? (Ср. *Собака быстро плывет к берегу. Утята плывут за уткой. Мальчик увидел, что по реке плывет большая рыба.*)

Если для каких-то из одушевленных субъектов используется отдельный глагол — не тот же, что для человека, — то каким именно классом субъектов он ограничен? Используется ли этот глагол также с какими-либо неодушевленными субъектами (кораблями, пассивно плывущими предметами и т. п.)?

2. Плавание судов и на судах

Есть ли специальный глагол, который описывает перемещение **судов и людей на судах**? (Ср. *Этот корабль плывет в Махачкалу. Смотри! — там на горизонте плывет лодка под парусом. Мой брат плывет сюда по реке на лодке. Мой брат плывет сюда по реке на плоту. На этом корабле капитан пять раз переплыл океан.*)

Различаются ли глаголы, описывающие перемещения **судов разных типов** (или людей на таких судах) — например, парусных, весельных, моторных, плотов и т. п.?

Может ли субъектом при «судоходном» глаголе быть как обозначение **самого судна**, так и обозначение плывущего на нем **человека**? Если субъектом является человек, обязательно ли он понимается как человек, управляющий судном, или он может быть и просто «пассажиром»?

Используются ли при описании перемещения судов (или людей на судах) **общие глаголы движения** — типа *идти, приходить, уходить, ехать* и т. п.?

3. Пассивное плавание и всплытие

Есть ли специальный глагол, который описывает пассивное перемещение **предметов по течению**? (Ср. *Смотри! — по реке плывет бревно. Мачта сломалась, и лодка плыла вниз по реке. Огромный айсберг плывет прямо к нашему кораблю.*) Если такой глагол есть, какую ситуацию он описывает при сочетании с одушевленным субъектом — перемещение мертвого тела, пассивное «лежание» на воде?

Как описывается **ненаправленное пассивное перемещение**? (Ср. *Пятно нефти плавает в море. По озеру плавает лед. Здесь затонул корабль и теперь плавают щепки.*)

Как описывается **нахождение** в воде — на поверхности или в закрытом сосуде с жидкостью? (Ср. *В луже плавает опавший лист. В супе плавает кусочек морковки.*)

Как описывается способность **предмета не тонуть в воде**? (Ср. *Деревянные предметы плавают в воде, а железо не плавает.*)

Совмещает ли глагол пассивного плавания значение «горизонтального» перемещения со значением пассивного **всплытия на поверхность**? (Ср. *Смотри! — рыба всплыла на поверхность. Утонувшая лодка сегодня всплыла со дна.*) Что требуется для того, чтобы глагол пассивного плавания получил значение всплытия, — особая видо-временная форма, специальный пространственный показатель (типа 'вверх') и т. п.? Может ли та же лексема обозначать **активное всплытие**? (Ср. *Подводная лодка всплыла со дна. Аквалангист быстро всплыл.*)

4. Направленное и ненаправленное плавание

Различаются ли активные, пассивные или «судовые» глаголы, обозначающие направленное (или однократное) и **ненаправленное (или многократное)** плавание человека — ср. русск. *плыть / плавать*? (Ср. контексты выше, а также: *Пловец тренировался и плавал от одного берега к другому по 30 раз каждый день. Дети плавали и играли в реке возле берега. В пруду плавают белые лебеди. В аквариуме плавает золотая рыбка. Брат со своей семьей долго плавал по озеру на лодке. Капитан плавал в Америку три раза. Этот корабль уже старый, он много раз плавал по морям и океанам.*)

Каковы стандартные средства описать определенное **направление** перемещения (ср. *Мальчик приплыл к берегу / уплыл от берега / переплыл через реку*)? Используются ли для этого специальные пространственные морфемы (приставки, суффиксы, частицы), синтаксические конструкции (например, сочетания с общими глаголами типа 'плывя пришел / ушел')?

5. Течение воды

Могут ли какие-либо из глаголов плавания описывать перемещение самой **воды** (ср. *Река течет на юг. Вода течет из крана. Кровь течет из раны*)? Если да, в чем отличие глаголов плавания в данном значении от общих глаголов со значением 'течь, литься'?

6. Погружение

Какими средствами описывается **ныряние и активное погружение**? (Ср. *Мальчик нырнул в бассейн. Капитан отдал приказ, и подводная лодка погрузилась.*) Может ли глагол ныряния описывать и перемещение под водой — обязательно сверху вниз?

Какими средствами описывается **пассивное погружение** («утопание»)? Различаются ли глаголы, обозначающие погружение неодушевленных субъектов (ср. *Я бросил в воду камень, и он сразу утонул*), судов (ср. *Судно налетело на риф и затонуло*), одушевленных субъектов (ср. *Летом в этом озере утонуло три человека*)?

7. Этимология и производные

Известна ли **этимология** (внутренняя форма) каждого из глаголов плавания?

Каковы основные словообразовательные **производные** глаголов плавания — типа русских *пловец, плавание, плавник* и т. п.? Насколько соответствует значение производных основному значению глагола (например, имя деятеля от глагола активного плавания обозначает именно пловца-человека, а имя от глагола пассивного плавания — нетонущий предмет типа поплавка)? Есть ли случаи, когда производное имеет идиоматичное значение, не выводимое из основного значения глагола плавания?

Л и т е р а т у р а

- Макеева И. И., Рахилина Е. В. Семантика русского *плыть* ~ *плавать*: синхрония и диахрония // Апресян Ю. Д. (ред.). Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 176—186.
- Москальская О. И. (ред.). Большой немецко-русский словарь. (Ок. 180 тыс. слов.) М.: Русский язык, 1997.
- Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка, © 2003–2006. [<http://www.ruscorpora.ru>]
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002.
- Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
- Храковский В. С. Анкета для описания условных конструкций // Храковский В. С. (ред.). Типология условных конструкций. СПб., 1998.
- Anderson, Lloyd D. The «perfect» as a universal and as a language-particular category // Hopper, Paul J. (ed.). Tense and aspect: between semantics and pragmatics. Amsterdam: John Benjamins, 1982. P. 227—264.
- Auwera, Johan van der; Plungian, Vladimir. Modality's semantic map // Linguistic Typology, 2.1, 1998. P. 79—124.
- Berman, Ruth A.; Slobin, Dan I. Relating events in narrative: A crosslinguistic developmental study. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994.
- Bowerman, Melissa et al. Event representation // Max Planck Institute for Psycholinguistics: Annual Report 2004. Nijmegen, 2004. P. 87—104.
- Corbett, Greville. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Haspelmath, Martin. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Haspelmath, Martin. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // Tomasello, Michael (ed.). The new psychology of language, vol. 2. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003. P. 211—242.
- Hornwell, James. Floats: a study in primitive water-transport // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 72, No. 1/2, 1942. P. 33—44.
- Kemmer, Suzanne. The middle voice. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Levin, Beth. English word classes and alternations: A preliminary investigation. Chicago: Chicago University Press, 1993.
- Speck, F. G. Swimming-paddles among the Northern Indians // American Anthropologist, New Series. Vol. 39, No. 4, Pt. 1, 1937. P. 726—727.
- Strömquist, Sven; Verhoeven, Ludo (eds.) Relating events in narrative. Vol. 2: Typological and contextual perspectives. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.